

18+

Андрей Шевченко

Красная армия

Андрей Шевченко

Красная армия

«Издательские решения»

Шевченко А. И.

Красная армия / А. И. Шевченко — «Издательские решения»,

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Юмористическая повесть о двух друзьях, служивших
в Советской Армии в 1980-х годах. Время действия — от призыва и учебки
до дембеля. Книга содержит нецензурную брань.

© Шевченко А. И.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	39
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Красная армия

Андрей Иванович Шевченко

© Андрей Иванович Шевченко, 2026

ISBN 978-5-0071-4507-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

— Шестьсот тридцать пятая команда, с вещами на выход!

Пересылка встрепенулась, зашумела. Пацаны, не торопясь, спрыгивали с нар, выходили из проходов. После повторных окриков небритого прапорщика в парадной шинели потянулись к выходу на плац. Некоторых провожали друзья из других команд или ещё не «рассортированные».

— В колонну по четыре стройсь!.. Отставить — по трое! — подал голос прапор и сделал сосредоточенное выражение лица, прячась в себя от кривляний призывников.

— В колонну через одного!

— Бе-э!

— В Афгане встретимся!

— Паха! Не забывай Бобринск!

Шум построений и прощаний вдруг перекрыл высокий, чистый голос:

— Отставить разговоры! В колонну по трое: раз — два!..

Все оглянулись на «командира», а тот, худощавый, в телогрейке и спортивной шапочке, с открытой улыбкой на красивом, несмотря на выстриженную голову, лице, легко и уверенно ударил по струнам своей гитары и запел:

Как родная меня мать провожала:

«Без тебя большевики обойдутся».

— Хватит самодеятельность! — оборвал прапорщик. — Строиться, строиться...

Колонна двинулась к корпусу, в котором днём проходили медицинскую комиссию. Из группы провожающих вырвалось ещё раз: «Паха! Не забывай Бобринск!», и уходящие завывали, засвистели, а гитарист с другими вернулся в казарму. Через минуту он уже слушал соседа по нарам, белолицего, с причёской «под Корчагина» и в очках.

— ... Как закончили с Надеждой третий курс, женились. В общежитии дали комнату, — парень задумчиво улыбнулся в потолок. — Три месяца назад Валёк родился. Из армии приду, два года будет, разговаривать, наверное, уже научится...

— Благодать: ни пелёнок, ни горшков не узнаешь, — цинично вставил Миха, побрынькивая на гитаре. Но сосед по нарам был поглощён своим:

— Мы с тринадцати лет начали дружить, тогда же и решили пожениться...

— Весьма предосудительно.

— Да, и вот, как восемнадцать исполнилось, сдержали своё слово. Даже родители не спорили... Я подрабатывал сторожем, стипендию получал сорок пять рублей...

— Миллионер.

— Не миллионер, но нам хватало. Жена у меня скромная, я тоже неприхотлив...

От последней фразы Миху скривило, и он, чтобы не обидеть соседа смехом, запел:

Очи чёрные!.. Я в недобрый час!

Женатый продолжал беседу с самим собой, а Миха отрывками пел романс и поражался про себя: «Откуда такие супчики берутся?.. В восемнадцать лет губить молодость женитьбой! Лучше повеситься!.. А говорит, как по бумажке...»

У двери послышался топот, обе створки распахнулись, и в ночлежку начала вваливаться толпа. Миха, приподнявшись, первый сообразил, что вернулась шестьсот тридцать пятая команда, и закричал:

— Вас что, в армейку не приняли, уроды?!

— Утухни!

— Самого тебя не приняли!

Полупустое помещение вновь стало походить на табор. Одни располагались спать, другие шумно обсуждали что-то. Смех, крики, стуки и снова хохот.

На ноги женатому упал рюкзак, и появившийся на верхних нарах парень с простым, невыразительным лицом, в нахлобученной на бок старой кроличьей шапке, серьёзно произнёс: «Извиняюсь!» Миха отодвинулся.

— Во дают! Постояли, постояли у ихнего штаба и — назад. Теперь до завтра, — сказал тот.

— Как в армии, — сделал вывод Миха. — А чё вы хотите?

— И что же, вас никуда пока не отправляют? — спросил очкарик.

— Нет, здесь будем ночевать.

— А знаешь, — очкарик всё с тем же мечтательным выражением лица посмотрел на нового соседа, — я могу сказать с точностью, кто ты, и чем ты занимался до призыва в армию.

— Ну?

— Ты сельский. У тебя на лице написано, что умеешь водить трактор и сеять пшеницу и рожь.

— Промазал: я городской.

— А здесь темновато, и он не очень точно прочёл надписи на твоём лице.

Миху распирало от наивности женатого пацана. Соскучившись в такой компании, он спрыгнул вместе с гитарой и присоединился к группе, которая выделялась ежеминутными взрывами хохота. Вскоре там громко запели-закричали хором песни «Машины времени».

... Часа через полтора, когда Миха возвращался на своё место и осторожно влезал на нары, чтобы не беспокоить тех, кто уже уснул, он услышал негромкое, но энергичное чтение стихов:

...Так будем же памяти предков верны,

Что в огненны годы, как сталь, закалились!

Мы в партию Ленина верой полны,

Бороться за правду мы все научились!

Миха запрыгнул наверх и вперил глаза в очкарика. Тот ответил серьёзным взглядом.

— Мая-аковский? — сочувственно предположил Миха.

— Ну, что ты, я сам немного сочиняю. Вот прочёл Славе одно стихотворение. К примеру...

Миха перевёл взгляд: Славка, их сельско-городской сосед по полке, тихонько посапывал.

— Вообще, я всегда в дороге сочиняю. Времени зря не люблю тратить.

— Неплохо, конечно, неплохо, и рифма есть... но, извини, брат, у Пушкина лучше.

— У Пушкина — конечно. Это гений, недостижимая вершина...

Женатый ещё что-то говорил, но Миха уже устроился, закрыл глаза и, засыпая, вспомнил единственное стихотворение Пушкина, выученное им в восьмом классе за краткость и ради «тройки»:

У Клариссы денег мало,
Ты богат; иди к венцу:
И богатство ей пристало,
И рога тебе к лицу.

— Подъём! Подъём, товарищи призывники! Все подъём, все команды!

Всё тот же вчерашний замурзанный прапорщик метался между рядами нар и дёргал пацанов за ноги. Те неохотно стряхивали с себя сон и материли дурацкую армию.

— Подъём, подъём, ребята! В поезде выспитесь! Хоть сутки будете спать! — подал голос старший лейтенант, стоявший с двумя солдатами у двери.

Эти трое должны были сопровождать призывников к месту службы.

Лишь минут через двадцать огромный зал с рядами грубо сколоченных, обшарпанных нар, бачком воды в углу и портретом военного министра без носа на стене выше бачка наполовину опустел. На плацу уже старлей строил своих подопечных по четверо, пересчитывал, делал переключку по фамилиям.

— Что за хреновина, товарищ прапорщик? Одного не хватает. Неужели сбежал?

— Не может быть... Ещё не от чего бежать... Я сейчас.

Через три минуты на выходе показался парень с гитарой в сопровождении прапора.

— Кириллюк Михаил Петрович? — спросил офицер.

— Ага.

— Что же это ты, товарищ призывник? Команды не слышал? Твои товарищи стоят здесь, тебя ждут...

— Чего суетиться, командир? До поезда ещё полтора часа, а до вокзала двадцать минут ходьбы.

— Почему полтора часа?! — офицер глянул на запястье. — Ну и что, что полтора часа!.. Умник какой нашёлся! Становись в строй!

— Есть! Так точно! Ол райт! — Миха пристроился в хвост колонны.

— Попался бы ты в мою роту, грамотей...

— Попался бы ты мне в баре, солдафон, — чуть тише ответил парень.

Вокруг захихикали.

— Шагом марш!

— ... Держи, Митяй, — приятель протянул Славке стакан с вином.

Славка, не торопясь, взял, приподнял до уровня лица: «Ну, дай нам Бог отслужить и вернуться...»

— Эй! Славик, или как там тебя... Да проснись ты!

Сон, на миг смешавшись с явью, отлетел. Знакомый парень, веселивший вчера всех призывников, пока мёрзли в ожидании поезда, дёргал его за плечо.

— Аллё! Проснулся? Жахнуть хочешь?..

— Чё?

— Ну, выпить. Я с проводником добазарился. Башляешь?

Славка слетел с верхней полки:

— Конечно! Водяра?

— Ишь ты, алкоголик, сразу пробудился. Да, водяра. Буди ещё этого, с большой головой... и, наверное, с большим горлом.

Через пятнадцать минут шестеро парней, население одного отсека общего вагона, сидели за завтраком.

— Крайние, поглядывайте на проход, — руководил Миха. — Так, я разливаю и — без речей и тостов. Поехали... Витяй... тёзка... наблюдатель... Держи, друг поэта...

Через пару минут покрасневший и повеселевший Славка выгребал ложкой консерву и возбуждённо рассказывал:

— А поэт наш — Красиков его фамилие — рядом с офицером... старлеем... Рассказывал, как мечтал пойти в армию... воспитаться настоящим мужчиной... защищать афганистанскую революцию.

Миха остановил взгляд на славкином кармане рубашки и задумался:

— Я тоже мечтал...

На него посмотрели.

— ... остаться дома, рядом с мамой.

Все заготали, стали продолжать шутку. Миха взял гитару, резко зазвучали первые аккорды «Прощания славянки».

— Ладно, потом споем. Давай, Славик, покурим. Отравим свои молодые организмы.

Следом вышли и остальные четыре собутельника. Тамбур наполнился гулом голосов и дымом.

— Из Бобринска? — спросил Миха, не обращая внимания на крики не то пьяных, не то кривлявшихся попутчиков.

— Ага, — подвинулся ближе Славка.

— Ничего городишко... Были у меня там знакомства. Но наш город всё-таки повеселее.

— Конечно, пацанов у вас больше... И студентов.

— А как тебя звали в толпе?

— Митяй, так как я Митяев Вячеслав Игоревич.

— Да?.. Ну что ж, Митяй, давай держаться вместе. Попробуем в одно место попасть служить.

— Добро. Вдвоём будет легче.

Миха ещё раз окинул нового друга пристальным взглядом и, видно, решив, что сделал правильный выбор, повернулся к остальным.

— Братва, надо бы того... старлею налить чарочку...

— Ха-ха-ха! Налей! Он тоже человек!

— Нет, жалко, — Миха изменил выражение лица, — пусть на свои пьёт. Кадеты много зарабатывают... Во, кажется, остановка. Интересно, на свежий воздух мы имеем право выйти?

Вскоре два вагона призывников заполнили весь перрон маленькой станции. Пока Митяй бегал к почтовому ящику бросить письмо, Миха стоял молча и смотрел, как старший лейтенант увещевал пацанов не отходить далеко и не дай Бог отстать. Пошёл ли кто с письмом или к ларьку союзпечати, офицера бросало в дрожь.

— Ну что, отправил весточку любимой?

— Ага... черкнул маме... куда едем... — подтвердил запыхавшийся и довольный Митяй.

— А теперь смотри и смейся. Сейчас этот надсмотрщик будет у меня бегать, как ужаленный таракан.

Миха вдруг с испуганным лицом растолкал толпу и, приблизившись к офицеру, замахал руками:

— Вон! Смотрите! Убегает, сволочь!.. Служить не хочет!..

— Где? Кто?

— Да вон, видите: красная куртка мелькает...

— А-а, чёрт! — у лейтенанта задёрнулся левый глаз. — Ребята! — скомандовал он своим помощникам, двум сержантам, охранявшим фланги. — Загоняйте в вагон этих, а я за тем...

Офицер убежал, а Миха обвёл глазами недоумевающих товарищей, закурил и бесстрастно сказал:

— Пусть побегает... То мужик какой-то рванул на автобус.

От дружного хохота взрывом подлетели голуби и воробьи, старичок у газетного киоска уронил «Правду» в грязную лужу и испуганно огляделся.

Сто восемь призывников с командиром впереди шли, поёживаясь от мороза, по улице небольшого городишка.

— Ну, и дыра, — выразил кто-то общее впечатление. — Посмотрите, даже дома бревенчатые сохранились...

— Да, — озираясь по сторонам, согласился Митяй, — занесла нас нелёгкая...

— Интересно, почему эта деревня называется городом... Вихрянск... Ни одного даже двухэтажного дома, — пробурчал идущий рядом Миха.

— Была трёхэтажка... у вокзала.

— Ну?... Не усмотрел такой факт.

— А вон смотри, — кивнул Митяй, — пятиэтажки.

— Не может быть, — Миха помолчал пару мину, всматриваясь в сумерки. — Всё ясно: это гарнизон. Где ещё такое увидишь: степь и посреди степи пятиэтажки, белые, как привидения?

— Да, только у нас.

Через полчаса колонна, длинной змеей растянутая в темноте, вползала на огромный плац, ограниченный двумя зданиями и автопарком.

— Ого аэродром! — удивился кто-то. — Как они столько снега сгребают зимой?

— Завтра приступишь к освоению боевой метлы, — отозвался Миха, но шутка растаяла, не вызвав даже смешка.

Пустынный, захолустный, жалкий городишко, серые и грязно-бордовые казармы, натканые среди поля, ветер, уже совершенно зимний, огромное асфальтированное пространство плаца со скворечником-трибуной в углу — всё это тягостно и гнетуще действовало на психику пацанов. Каждый остро ощутил, что свободная жизнь окончена, что теперь ты зависишь от воли других, и, весёлая ли, неудачная ли, но в общем-то хорошая и беззаботная гражданская жизнь прекращается на долгие два года. Митяй хмыкнул, чувствуя, что в горле першит и к глазам подкатываются слёзы. Миха нахмурился и вызвал в себе чувство злости и ожесточения: «Ничего, и здесь люди живут».

Призывников разместили прямо на полу третьего этажа учебного мотострелкового полка. По обрывкам разговоров они поняли, что находятся в учебной дивизии и завтра их распределят по разным местам. Поняли и другое, услышав инструкцию от серьёзного, с узкими усиками капитана: «Держитесь, ребята, кучней, ходить — только в туалет. Если будут отзываться в сторону, не поддавайтесь. Наряд будет охранять вас». Пацаны зашушукались: «Если что, впрягаемся все вместе, нас много». Стало ясно, что теперь нужно быть начеку, как будто находишься в диком лесу среди хищных зверей.

Дожевав последние консервы, без пяти минут солдаты расположились на ночлег, постелив на полу телогрейку или куртку и сунув под голову шапку, пустой вещмешок, сумку — у кого что было. Митяй лежал на боку, вслушивался в скупые шутки, размышлял. Миха, задев его и других соседей, долго устраивался, стараясь из своего скудного скарба соорудить и хороший матрац и приличную подушку. Неудобства выводили его из равновесия, и он тихо, но живописно ругал армию, начиная с маршалов и кончая последней ржавой гранатой.

— Это ещё начало, — добродушно сказал Митяй. — А что дальше будет?

— Как бы там ни было, но я думаю, что кровать с постельными принадлежностями мне в личное пользование выделяют...

— В армии кровать для того, чтоб под ней ползать... — пошутил какой-то знаток.

— С таким подходом к делу, товарищ призывник, вы точно будете жить под мебелью, — оборвал его Миха и, наконец, лёг.

— Митяй, — тихо сказал он, — не забыл про уговор?

— Завтра видно будет. У нас фамилии рядом по алфавиту, может, и попадём вместе...

— Да, сейчас всё по алфавиту. Хоть номер на лбу не ставят, и то хорошо... Дом вспоминаешь?

— Да так...

— Задумался, вижу... Да, дома я весело жил, не замечал, как время проходило... А сейчас два года, двадцать четыре месяца козе под хвост.

— Если б хоть толк с нас был, — согласился Митяй. — У нас вон в городе солдаты...

— У нас тоже... Метут да гребут. Но, как говорится, значит, это кому-то нужно.

— Только не нам.

Митяй не помнил, говорили они с приятелем ещё или нет. Уснул — как всегда, непонятно, в какой момент, на какой мысли. Ночью он воевал, дрался, отвечал на оскорбления кулаком; в ушах всё время был какой-то шум, разговоры... Очнувшись от негромкой команды офицера и, открыв глаза, увидел перед собой Миху, который безмятежно зевал и расчёсывался. В окна весело заглядывал новый день. Напряжённые от кошмарной ночи нервы сразу расслабились.

— Ну вот, сегодня, наконец, узнаем, в каком роде войск предстоит проходить службу, — немного напыщенно сказал Митяй.

— Все рода одинаковые — лопатные. Бери больше, кидай дальше.

— Слушай, а где твоя гитара? — удивился приятель, приподнявшись. — Ты ж на ней спал.

— Продай, — ответил Миха тоном, исключающим дальнейшие расспросы.

Солдаты между тем расставляли напротив призывников столы, вешали таблички. Получалось что-то вроде конвейера. «Распределять будут», — догадывались пацаны. Через час их действительно построили, смешав три команды, и «конвейер» заработал. Осматривали документы, вскользь спрашивали о здоровье, подробнее — об образовании и способностях. Миха потихоньку вышел со своего места и встал за Митяем, пропустив вперёд человек семь. Одинокво отвечая, приятели дошли до последнего стола. Там сидело трое офицеров и ещё несколько стояли за их спинами.

— Фамилия?

— Митяев, Вячеслав Игоревич.

— Так. ПТУ. Токарь?.. Какой разряд?

— Третий.

— Ну, куда его?.. Будешь служить в учебной сапёрной роте.

Миха подался вперёд.

— А люди, умеющие работать лопатой, ломом, киркой, в сапёрной роте нужны?

— Этим у нас умеет работать каждый. На то она и армия, — офицеры переглянулись, изобразили улыбку.

— А я в этом деле профессионал. Вырос в деревне. Могу работать на любой машине, тракторе, даже на экскаваторе. Я в сельхозинститут поступал, на механизацию...

— Ишь ты, в сапёры захотел... Как фамилия?

— Кириллюк. Михаил Петрович Кириллюк.

Миха очень волновался, пока майор листал бумаги. В своём добродушном приятеле он чувствовал человека, на которого можно положиться, и расставаться с ним не хотелось. Митяй тоже просительно смотрел на офицера, хотя мог уже отойти от стола.

— Но ты же городской житель. А говоришь: деревня, трактора... И потом, почему — Кириллюк? Буква ка уже прошла.

— Я, товарищ майор, в туалет ходил. Что-то с желудком не того... А про город — это ерунда, там только прописан, родители живут. Я больше в деревне, у бабушки... И с техникой там имел дело. Дядя у меня тракторист, механизатор то есть. Я с детства с ним. Всё в деревне и в деревне... Даже в школу там ходил два года. Всё равно тётя, жена этого дяди, моей матери сестра, — директор деревенской школы. Вот и я с ними... А ещё у меня батя, отец то есть, служил в сапёрах и дед по материнской линии. Традиция...

— Ну, даёт! — офицеры весело смотрели на Миху.

— Ладно, — подытожил майор, — служи в сапёрах, как имеешь такое сильное желание. Миха радостно улыбнулся и пожал руку Митяю.

— Всё идёт по плану!

— Будем вместе.

Ближе к обеду младший сержант с детским ещё лицом, чистенький и строгий, вёл отряд из восьми человек по улицам учебной дивизии. Миха с Митяем шли впереди. Пацаны вежливо задавали вопросы о сапёрной роте, а сержант охотно рассказывал, картавя и как-то старательно выдерживая дистанцию и не сбиваясь на простую фамильярную беседу:

— Вот у нас чёткая. Чистая. Такой столовой нигде в дивизии нет. Даже офицеры не ходят домой обедать, в нашей столовой обедают... И «увюков» нет. Вотный их тевпеть не может. Только вусские, хохлы и татавы тоже...

— Эй, младшой, куда ведёшь?!

— Куда надо!

— Что, что?! — с забора спрыгнули два смуглых солдата в бушлатах.

— В сапёвную, — выражение самоуверенности и высокомерия быстро сползло с лица сержанта.

— Чё это, щегол, опухать, да? — один из солдат весело смотрел на то краснеющего, то бледнеющего командира сапёров. — Морда давно не били?

Второй попросил у Митяя свитер, и тот отдал, приговаривая: «Всё равно уже не пригодится». На прощание оба ещё раз строго посмотрели на сержанта и разрешили идти.

Метров пятьдесят шагали молча, каждый по-своему обдумывал произошедшее. Миха отметил про себя, что физическая сила значит в армии больше, чем звание.

— Звя ты отдал вшивник, — наконец, подал голос униженный командир. — В своей воте бы лучше отдал.

Митяй покраснел, стыдясь своего непатриотизма и удивляясь странному названию шерстяной одежды. Миха же с трудом скрыл улыбку. «Что же ты молчал, как обгаженный, когда тот отдавал», — мысленно возразил он.

По левую сторону дороги, резко делившей военный городок надвое, тянулись бетонные заборы. За ними — корпуса казарм, стоянки машин. В одном месте были расставлены палатки, и из их печных труб валил густой дым. Справа, вдалеке от дороги, уныло маячили белые и голубые панельные пятиэтажки, вокруг которых не замечалось ни деревьев, ни детских площадок, ни сараев, лишь гаражи кое-где.

— Вот наша вота, — сержант подтянулся, строго оглядел подопечных. — Вывоняйтесь в затылок! Идти в ногу! Ваз, ваз!

Вид учебной сапёрной роты радости не вызвал. С трёх сторон лежала степь с чахлыми кустиками. Белая двухэтажка нелепо торчала посреди пустыни и словно вжималась в землю, стараясь не выделяться. КПП и металлические ворота выглядели очень внушительно, но дальше забор терял вид, перекашивался и кое-где валялся на земле пролётами по пять-шесть метров, как будто не устоял от напора ветров. К казарме примыкала столовая, в углу территории угадывалась кочегарка, а слева от КПП с сапёрами граничила большая учебка с длинной синей четырёхэтажной казармой и стоянкой машин. На территории не было ни единого человека, лишь носился туда-сюда, завихряя мусор, злой колючий ветер. Митяй, поёживаясь, вспомнил до времени подаренный свитер. Миха не удержался и красноречиво присвистнул. Другие тоже зашептались, оценивая место службы.

Через полчаса ребят, державших в охапках форму, включая шапку и сапоги, отвели в кочегарку, в душ, а ещё через полчаса новобранцы впервые встали в строй и, растворившись среди одинаковых людей в тёмно-зелёном, пошли в столовую.

...От выхода из казармы до двери столовой — не более пятидесяти метров, и пробежать это расстояние по морозу да без верхней одежды можно было за несколько секунд. Но в нашей армии не любят лёгких путей. Солдаты строились внутри казармы, по одному выбегали на улицу и вновь строились. Выходил сержант и, скомандовав «Равняйся! Смирно!», вёл роту к столовой, давая счёт и требуя петь песню. Вновь забегали по одному и выстраивались десятками за столами. Следующими командами, регламентирующими поведение, были: «Садись!

Раздатчики пищи, встать! Приступить к раздаче пищи!.. Заканчиваем приём пищи, убираем со столов!.. Встать, выходи строиться!»

У свеженьких всё вызывало улыбку или недоумение. Столовая, действительно, прилично выглядевшая, оставила новичков равнодушными. Наоборот, с удивлением они смотрели на соседей по столам, которые жадно ели и строго контролировали движения руки раздатчика. Раздатчики же откровенно предпочитали свои чашки. Команда о конце обеда со стороны сержантского стола пришла ещё до того, как кто-нибудь успел прикоснуться к компоту. Сосед Митяя попытался было запить кашу стоя, тут же получил от сержанта затрещину, и ему пришлось искать шапку среди мелькавших сапог: все начали поспешно выходить.

Оставшиеся полдня молодым пополнением никто не интересовался. Солдат завели в ленинскую комнату, выдали по конверту и общую тетрадь на всех и, назвав адрес войсковой части, приказали написать домой. Когда в дверях появлялся сержант, кто-нибудь кричал «Смирно!», и приходилось подскакивать и тянуть руки по швам.

Ленкомната учебной сапёрной роты была типичной. Внимание человека, ни разу не бывавшего в казармах, могли приковать только стенды, озаглавленные «США — государство-агрессор» и «Китай — государство-агрессор»: всё большими чёрными буквами. Ниже приводились доказательства тезиса. Армейская ленкомната используется для политзанятий, которые проводятся несколько раз в неделю, поэтому она уставлена столами и имеет кафедру для оратора — замполита. Половину передней стены занимает портретная галерея членов политбюро ЦК КПСС. Рядом — тексты гимна страны и военной присяги, посвящённые той же партии. Все прочие украшения малоинтересны, зато солдаты точно знают, какая батарея здесь теплей и на каком месте можно спать так, чтобы не увидел замполит. Фотографии военного начальства (для данной эпохи Соколова, Ахромеева, Колдуновского и проч.) помещаются обычно со спины сидящих или сбоку от них.

После ужина вновь прибывшим указали их кровати, выдали постельное бельё. Всем приказано было побриться, окантоваться и пришить чистые подворотнички. Ни у Миши, ни у Митяя иголки и бритвенного станка не имелось. Пришлось занимать очередь и ждать других. Впрочем, много времени это не заняло. Несколько десятков молодых солдат умудрились резво поскрестись одной «Невой», привести в порядок форму, и вскоре все сидели в спальном расположении, стараясь придвинуться поближе к батареям отопления. Миша получил первый выговор за то, что не отдал честь сержанту, при этом ему пришлось ещё раз удивиться: к сержантам следовало обращаться на «вы». Он же был теперь «товарищем курсантом» учебного подразделения.

Приводя себя в порядок, Миша и Митяй подсели к группе, говорящей явно с украинским акцентом.

— Завтра будем умирать... — сказал один.

— Да, начнётся...

— А что будет завтра? — осторожно спросил Миша.

— Всё, конец спокойному житью. С завтрашнего дня всё будё по расписанию: зарядка, занятия разные... Ждали же одну группу, вас, значит, теперь рота набрана.

— Ще слава Богу, — добавил другой, парень с выразительными чёрными глазами, — говорят, шо наряды будут только после присяги. А пока мы — карантин.

— Сержанты злятся: стара рота вже в'їхала, а йим приходится каждый день у наряды...

— А что, в нарядах плохо? — поинтересовался Митяй.

Старожилы усмехнулись. Черноглазый, старательно подбирая для собеседников русские слова, объяснил:

— Да кому шо. Сержанты говорят: первое время — хоть вешайся.

— Короче, нэ торопысь, ще находишься у наряды.

— Да, у меня много времени, — по привычке ответил шуткой Миша.

Украинцы заговорили о доме по-своему. Черноглазый, которого звали Петро, интересно и с юмором рассказывал. Миха напряжённо вслушивался в красивую речь, иногда, понимая шутку, смеялся вместе со всеми. Митяй сидел с рассеянным видом и озирался вокруг. Мозг его вытаскивал наружу все происшествия дня и теперь старался их осмыслить.

«... Вшивник... От слова „вши“ что ли?.. В ду'ше опозорился: спросил о трусах. Оказывается, зимой солдаты носят только кальсоны... А в столовой! Неужели и я так буду жрать через неделю?! И почему я курсант, а не рядовой? Курсанты — в военных училищах, а здесь полгода всего — и в войска...»

Митяю хотелось поскорее «врубиться в службу» и быть, как эти хохлы, уже так много знавшие об окружающем их мире.

Петро посмешил слушателей, но закончил рассказ довольно грустно.

— ...А теперь вот два года к бису...

— Дэмбель неизбежен, як крах импер-ялизма! — возразили ему.

— Петро добавил:

— Сказав молодой солдат, утирая слёзы половой тряпкой.

«Рота, сорок пять секунд, подъём! Подъём, рота! Живо одеваемся!» — закричали сержанты. Курсанты с нижних коек подскочили, с верхних прыгнули им на шею. Все заметались.

«Пять секунд прошло... десять секунд» и — через полминуты — «сорок пять секунд. Не успели! Отбой, рота!»

Немного посоветовавшись, сержанты подняли роту и построили в исподнем.

— Смотрите, показываю только один раз, — сказал невысокий сержант с маленькими усиками и чёрными въедливыми глазками. — Засекай... ремень... форма... сапоги... и в последнюю очередь — шапку.

— Тридцать пять секунд! — похвалили его друзья за быстрое раздевание. — Приготовился? Давай!

Натягивая форму, сержант быстро орудовал пальцами и успевал комментировать свои действия.

— Сорок секунд!

— Вот так надо одеваться!.. Отбой, рота!

Все шмыгнули на кровати. Миха больно ударил коленку и в голос заматерился. Митяй два раза столкнулся с соседом, крепким, упитанным парнем, и, наверное, подрался бы, если б имел на то время. Курсанты укрылись одеялами и застыли в напряжении. Их командиры, словно издеваясь, сделали выдержку в полминуты.

«Вота, подъём!.. Отбой, вот!.. Запомните, сынки, — командовал тот сержант с детским лицом, который привёл Миху и Митяя в учебку, — по команде „подъём“ одеяло отбрасывается на спинку кровати... Подъём!»

На четыре кровати приходилась только одна табуретка, и тот из курсантов, кто подскакивал к одежде первым, дёргал свою форму, и всё летело на пол. Митяй шустро оделся, догадавшись застегнуть на брюках лишь крючок и, услышав команду «строиться», выскочил на проход одним из первых. Но тут же почувствовал, что левый сапог был явно на два размера меньше того, что он носил вчера. Однако разбираться было некогда. «Выходи строиться на улицу!» — закричал усатенький и начал выталкивать курсантов из спального расположения.

Миха выбегал из казармы, застёгивая пуговицы на пэша и дёргая съезжавшую на глаза шапку. «Холодновато», — подумал он, когда выдохнул и увидел пар. Солнце ещё ни единым лучиком не намекало о своём приближении, но утро уже наступило. С разных сторон доносился размеренный топот. «Стада солдат!», — догадался Миха.

Рота по трое двинулась на зарядку. Впереди и сзади бежали сержанты, «капралы», как услышал Миха от кого-то. Через триста метров он начал задыхаться и заставил себя дышать

носом и более-менее размеренно. Мёрзли руки, уши; под ноги без конца попадали комья смёрзшейся земли, и, если б не плотная толпа, можно было запросто растянуться. Бежали угрюмо. Кто-то громким шёпотом проклинал капралов и армию, кто-то зло переругивался с соседом: трое не вмещались на узкой дороге.

«Стой, рота! — послышалась команда. — Садись! Гусиным шагом — марш!»

Оказалось, что есть ещё нечто и похуже бега. Сержанты внимательно следили за тем, чтобы у всех руки были на затылках, и пригрозили: один встанет — вся рота вернётся на исходную. Угроза была серьёзной. Скрипели зубами, стонали, но шли, шли под аккомпанемент насмешливо-поучающих выкриков: «Ну, и защитнички! Это вам не на гражданке баб... да бабушкиными пирожками объедаться! Советский солдат должен быть самым закалённым, выносливым и сильным!.. Ну, куда вам воевать, вам только девок по спине гладить!..» «Изголодались бедняги», — подумал Миха и, в очередной раз поправив шапку, понял: вчера была другая.

По возвращении в казарму какой-то любопытный обратился к сержанту с вопросом о том, сколько они пробежали. «Три километра», — ответил тот. Мало кто поверил; казалось, все двадцать.

За завтраком Миха, Митяй и другие новички так же внимательно следили за черпаком раздатчика, как и их товарищи по столу. Все поняли, что при таком образе жизни калорий требуется как можно больше.

Вернувшуюся с завтрака роту затолкали в ленкомнату, там же собрались и все сержанты — их оказалось пятеро, кроме семерых в наряде. Тихо появился старшина, угрюмый невысокий парень со странным взглядом, словно постоянно ждал от окружающих какой-то пакости. Миха вспомнил, что во время подъёма старшина стоял молча и насмешливо смотрел на то, как летали туда-сюда молодые. Пришёл высокий, с полным, круглым лицом и уверенными движениями старший лейтенант. Это был командир роты и одновременно замполит, то есть заместитель себя по политической части. Он коротко и доброжелательно поведал молодому пополнению об их службе, будущих военных специальностях и приступил к политзанятию.

«Итак, в чём состоит коренное различие армий социалистических стран и империалистических государств?.. — с ходу поставил он проблему и с улыбкой взглянул в лица молодых солдат. — Возьмём к примеру любые две армии. Например, Вооружённые силы СССР и армию США. На протяжении последних семи десятилетий наша армия вела исключительно справедливые войны. Мы исполняли и исполняем две миссии. Какие это миссии? Это миссия оборонительной войны и миссия международной помощи, например, сейчас — в Демократической Республике Афганистан. Вы хорошо знаете, что...»

Парень рядом с Митяем заклевал носом. Митяй с улыбкой наблюдал за ним и не заметил, как сзади привстал усатенький сержант. Толчок в спину — и курсант, встрепенувшись, выпучил глаза.

— Спит, Терещук?

— Харю мочит, товарищ старший лейтенант, наверное, бегать захотел.

— Да, кто будет спать — пять кругов вокруг казармы. А мы посмотрим в окно. Возьмём к примеру агрессивные действия США в юго-восточной Азии...

Вскоре ротного куда-то вызвали, и курсантами вновь занялись капралы. Шестерых они отправили наводить дополнительный порядок в спальном расположении, троих — в умывальнике и туалете, ещё двоих взял с собой старшина. Но через полчаса всей роте выдали новенькие, без знаков различия шинели, рукавицы с двумя пальцами (второй, указательный, очевидно, для спускового крючка) и выгнали на плац перед казармой.

Пока стояли перед входом, пока шутили насчёт шинелей и вспоминали утреннюю пробежку, Митяй успел найти свою обувь. С облегчением стянул он натиравший ногу сапог и отдал

парню, который спал под ним на нижней кровати. Тот, померив, продолжил поиск: у него было на размер больше.

Мимо строя новобранцев прошёл солдат в лихо запахнутом бушлате, по виду старослужащий. Зло оглядев молодых, он прошипел: «У-у, духи. Я должен за вас наряд долбить?»

— Долби, долби, тебе полезно, — негромко, для себя, сказал сосед Михи по шеренге.

— Кто это? — поинтересовался Михя.

— С «постоянки», со второго этажа. Водила. Наверное, год прослужил... Эх, скоро и для нас начнутся наряды...

Показались сержанты: Терешук и ещё один, богатырского телосложения. «Рота, равняйся! — строго крикнули они. — Отставить! Вывернулись в шеренгах и колоннах! Равняйся! Смирно! Нале-во! Шагом марш!»

Начались первые в жизни Михи и Митяя строевые занятия. До этого были лишь шуточные игры на уроках военного дела, да ещё трёхдневка в конце десятого класса — та же игра в армию. Теперь же, на морозе, в непривычной, путающейся в ногах шинели, в тяжёлых сапогах с постоянно сбивавшимися портянками поднимать до пояса выпрямленные ноги, уставшие ещё на утренней зарядке, тянуть носок, не забывая про руки и голову (в которой пульсировала мысль: «Только бы хорошо пройти, чтобы не заставили делать дополнительный круг») было пыткой.

Сразу выявились слабовольные и хилые. Сержанты, лишь обнаружив у кого слабинку, «дрочили» таких ещё больше. Митяй полунасмешливо-полусочувственно наблюдал за вышгиваниями толстенького очкарика, наверное, уже лет двадцати четырёх, и вспоминал, как на трёхдневке выпендривался их прапорщик-военрук. Чтобы сесть за обед или ужин, приходилось несчастную песню с разлукой и любовью петь по пять-шесть раз да ещё поднимать невообразимую пыль в доказательство строевого шага.

Сержанты замерзали и сменялись. Молодые солдаты, закоченевшие насмерть, так, что мало кто мог внятно говорить, зашли в казарму лишь через три часа. Ругаться и жаловаться уже никто не мог.

После обеда роту начали распределять на наведение порядка, и Михя удивился тому, что многие вызвались убирать туалет. Он попал на спальное расположение. Сержант взял с собой два человека из их группы и приказал остальным ждать. Пошли к батареям: в казарме было прохладно.

— Только позавчера скрябали...

— Ничего, зато ещё не очень грязные.

Миха мало что понял, но уточнять не стал.

— Хотите, анекдот расскажу? — предложил он.

— Давай, если успеешь.

— Генерал идёт по части, проверяет. Солдат красил ракету снизу вверх. Ему крикнули: «Генерал!» Он надел ведро с краской на нос ракеты и спрыгнул. Генерал подошёл, увидел ведро:

— Так, а это что?

Офицеры молчат, а солдат взял да и ляпнул:

— Фотонный отражатель, товарищ генерал!

— Вижу, что фотонный отражатель. Почему не покрашен?

Миха умел рассказывать анекдоты. Он живо перевоплощался, помогая себе жестами, мимикой, изменял голос. Слушавшие его захохотали и тут же осеклись.

— Я не понял. Встать! — старшина разглядывал молодых с ненавистью и словно радовался их провинности. — Почему сидим?!

— Ждём, сейчас стёкла принесут, товарищ старший сержант, — ответил один.

— Почему сидим, когда мимо проходит старший по званию?

Молчание.

— Смотрите, несчастные. Вы меня ни в хрен не ставите, и я вам устрою жизнь по уставу. С вами тут цацкаются, а вы опухаете... Упали на пол! Тридцать раз отжаться!.. Сдвигайте кровати, подметайте пол! Или когда принесут стёкла, начнёте ковыряться?!

Показался сержант и двое с ящиком битого стекла. Миха носил кровати и украдкой со злорадством и страхом наблюдал, как распекал старшина, которому, как сказали пацаны, осталось до дома всего полгода, младшего сержанта, который прослужил лишь на пять месяцев больше Мухи. Со злорадством — потому что приятно было посмотреть, как краснел и бледнел капрал, «дрочивший» Муху на плацу. Со страхом — потому что было ясно: вся эта ругань отразится на них.

Так и вышло. Миха наивно полагал, что он мастер материться. За работой же, слушая капрала, он почувствовал себя жалким первоклассником в этом деле: к изошрённости в упоминании родственников и частей тела, добавилась армейская специфика, грубая, как танк, и беспощадная, как залп «Града».

Оказалось, стёклами обдирают половые доски, убирая со стружкой пыль и черноту следов от сапог. Занятие было не из приятных. Старожилы предусмотрительно брали стеклин побольше. Миха же обратил на это внимание лишь тогда, когда изрезал все пальцы маленькими стёклышками. Кровь заливала ладони, и он отпросился в умывальник. «Бегом! Две минуты тебе, — напутствовал «товарищ сержант», и пришлось бежать, иначе бы тот вернул обратно, как это было полчаса назад. Один солдат не пообедал, точнее, плохо побежал, и Терещук, подозвав его, профессионально нанёс два коротких удара по рёбрам.

Миха шагнул в умывальник и успел заметить, как все встрепенулись и начали было тереть стены. «Вот оно что! Убрали наскоряк и теперь богодулят».

— Дозорного поставьте, тунейдцы, — посоветовал он.

— Ладно, ладно, — ответил рыжий пацан, с большим ртом и хитрыми глазами, — убирай за собой в раковине.

Миха остановил кровотечение и не удержался, заглянул в туалет. Двое разговаривали с тряпками в руках наизготовку, но даже не дёрнулись.

— Мы им кашлянём, если капрал или кадет, — пояснил догадливый рыжий.

— Лучше ракету запусти.

Возвращаясь, Миха искал глазами своего земляка. Ни в бытовке, ни в ленкомнате Митяя не было, среди «скрябальщиков» тоже. Заработала радиоточка, и трудиться под модные песни Макаревича и Гаины стало веселей. Миха, раздосадованный тем, что кто-то попал на более лёгкую работу, принялся энергично скрести доски, чтобы поскорее привести в порядок свой участок. Он даже ненароком распространил своё предположение — «сделаем и отдыхаем» — под видом обещания сержанта. Увы, в армии такая глупая мысль может возникнуть лишь в голове неискушённого. Солдаты работают не на конечный результат, а на время; сколько же ты сделаешь — не столь важно. После первого этажа, ввиду того что времени до ужина оставалось достаточно много, перешли, прихватив стёкла, на второй. Ударники труда получили хороший урок того, как надо работать на оборону.

Только вечером, перед построением на ужин, Миха увидел, как Митяй с другими пришёл с улицы, и, когда приятель сдал тёплую одежду, поинтересовался у него, где тот работал. «Видал забор вокруг учебки? — усмехнулся земляк. — Дембеля с постоянки строили, а в конце октября домой уехали. Представляешь, он на гольном песке построен. Вот и падает теперь. А что летом будет? Весь завалится... Вот мы и латали его немного, да тоже, цемента ни фига нет, больше у костров сидели. Но самое интересное (сержант сказал) столбы держатся на льду. Они были духами до нас, и дембеля заставляли их по ночам ставить эти столбы. Чтобы долго не трамбовать камнями, они заливали их водой, а сверху накидывали земли. Один дер-

жит, другой носит воду из канавы. Замерзает быстро, ночью-то холодно. Ещё и выспаться успевали... Вообще, говорят, в этих местах зима в конце августа начинается». «Надеюсь, границу у нас надёжнее делают», — подумал Миха в ответ.

На ужин была вермишель, и все ели с удовольствием. Но обиженный днём старшина, которого в столовой курсанты видели впервые, быстро поднял роту. Привычно выскочили по одному, построились. Сержанты почему-то не торопились. Густую тьму слабо освещали немногие огоньки, доносились обрывки песен из других учебок. Налетал порывами противный колючий ветер, и Митяй едва слышал, что там говорил в голове колонны «Малец», как прозвал он для себя сержанта, упрекавшего за вшивник. Другие капралы почему-то лазили в строю и что-то искали. Но вот долгожданная команда и, наконец, более-менее тёплая казарма. Вновь построились. Перед ротой — сержанты и худощавый, среднего роста рыжий курсант.

— Кто будет таскать хлеб в карманах — будет жестоко наказан! — проходя вдоль строя, прокричал Терещук.

Под взглядом его жёстких, въедливых глаз все опускали головы.

— Вам что, не хватает, ублюдки? — прогнусавил Малец.

Принесли булку хлеба, и рыжему, тому самому, кто днём убирался в умывальнике, пришлось есть её всю перед строем. Сжевав треть, он попросился попить воды. Сержанты посмеялись и разрешили. Вернулся он уже с небольшим куском. Зато украдкой двигали челюстями те, кто стоял ближе к умывальнику. Рыжий быстро доел, ещё раз выслушал угрозы, и Малец визгливо скомандовал: «Готовиться к завтрашнему дню! Всем побиться, подшиться, помыть шею, начистить сапоги и бляхи венней! Вазойдись!»

Наконец-то наступил тот короткий промежуток времени, в который молодой солдат более-менее предоставлен самому себе. Полной свободы нет: нужно сделать кучу дел, чтобы на завтрашнем утреннем осмотре никто не придрался к твоему внешнему виду. Но есть иллюзия свободы: можешь сначала надраить ваксой сапоги, а потом умыться, можешь наоборот. Можешь написать домой письмо, но потом, глубокой ночью, по твоей просьбе дневальный разбудит тебя, и будешь, сонный, тыкать иголкой в воротник.

Ниток не было. Миха и Митяй по примеру других вытаскивали из подворотничков старые нитки и использовали их вновь. Сидели кучками. Говорили о разном, но больше о том, кто сколько раз получил за день. Небитых осталось мало. Миха, неловко орудуя иголкой и размышляя, с удивлением почувствовал, что боится отбоя. Вроде бы страшно хочется спать, за день не то, что отдохнуть, не было времени о чём-нибудь подумать, но пугало утро, неотвратимо следовавшее за ночью, одевания-раздевания за сорок пять секунд и зарядка, которую называли здесь «никто не хотел умирать».

— Хотите анекдот, духи? — предложил он, чтобы отвлечься.

— Чеши, Емеля, твоя неделя.

Он неторопливо начал, но история про генерала была оборвана криком дневального: «Строиться на вечернюю поверку!»

— Наконец-то, — обрадовался кто-то, — хоть отдохнём.

— Отдохнуть будешь дома, — мрачно уточнил Миха. — Если выживешь...

Рота построилась. Сказав «смирно», один из сержантов пошёл докладывать старшине в каптёрку. Прошла минута, другая. Сержанты начали развлекаться, выискивая тех, кто закрывал глаза. Морило почти каждого, и терявший бдительность получал удар в грудь или затрепину, от которой летела на пол шапка. Одному парню с несчастным выражением на вытянутом каплевидном лице досталось трижды. Но и после этого Митяй видел, как тот снова закрывал глаза. «Скорее бы вышел этот проклятый старшина!» — думал каждый. Так хотелось лечь в постель, остаться хоть ненадолго со своими мыслями, вспомнить дом и тех, кто «на гражданке» ждёт своих защитников.

Митяй, чтобы дать мозгу какую-то работу и тем отвлечь его от преждевременного торможения, начал разглядывать сослуживцев. Вчера они казались ему однообразной тёмно-зелёной массой. Теперь же он мог выделить с десяток пацанов, кто обращал на себя его внимание в течение двух дней службы. Вон на правом фланге двое одинаково рослых — больше двух метров — парней с грубо сколоченными лицами и массивными челюстями. Днём Митяй работал с одним из богатырей — простой и добродушный пацанила. Наверное, и второй такой же. Эти вдвоём раскидали бы всех капралов, как щенков. А вон к долговязому с уродливым лицом снова крадётся сержант. Толчок в спину — «спящий лев» толкает впереди стоящего и приходит в себя, переваривая негромкую ругань товарища и насмешки Мальца: «Водину пвоспишь, ублюдок».

Чуть правее стоит Миха. Тень от лампочки резко делит его лицо надвое. Можно заметить, как приятель кусает губы... Да, вроде бы дома спал меньше, однако никогда так не уставал к ночи.

По левую сторону заметно выделяется герой ужина. Серёга, кажется. Попался, бедняга... Рыжая голова, лицо энергичное, в глазах и ума, и хитрости хоть отбавляй. Наверное, неплохой парень. А вон тот — гнус. Почти весь день сегодня просидел у костра: смешил сержанта, рассказывая что-то приторно-весёлое. Дальше — Петро, хохол. Лицо очень серьёзное, стоит, как положено. И подшил он сегодня гораздо красивее, чем они с Михой. Ничего, ещё семьсот тридцать раз пришивать этот подворотничок... Петро — тоже ничего пацан. А рядом с ним, кажется, тот самый очкарик, которого сегодня больше всех гоняли на строевой... Эх, бедняга, загремел же ты! Наверное, после института и женатый уже, небось. Интересно, как он пишет письма? «Дорогая жена! Меня тут дрочат, как щенка, сержанты, которые младше меня на пять лет. Поцелуй сына: может, я и не вернусь с этой каторги...» Нет, скорее так: «Жёнушка! Всё о кей! Спим, жрём, ничего не делаем. Здесь настоящий курорт. Вчера на учениях скуки ради пошибал все мишени. Командиры мной восторгаются...»

«Вольно!» — оборвала Славкины размышления команда. Старшина вышел на середину и начал негромко называть фамилии курсантов, заглядывая то в одну, то в другую бумажку. Горе было тому, кто тихо отвечал «я». Выведенный перед строем «несчастный» (сержанты почему-то называли их этим словом) должен был двадцать раз сотрясать стены казармы, выкрикивая личное местоимение.

— Завтра вас разобьют по взводам, — сказал старшина, закончив переключку. — Два взвода будут жить на втором этаже вместе с постоянной. Второй ярус коек уберём. Предупреждаю: вольная жизнь закончится. Это пока был бардак и все в куче, можно было рубить колоду и сержантов ни в хер не ставить. Вы только с поезда и ещё не знаете, что такое служба. Занятия, работа, наряды и наведение идеального порядка. В грязи жить я вам не позволю. Ротный будет долбить меня, я — вас. В январе — марш-бросок на стрельбище... Ну, это вообще: кто хилый и дома, кроме баб и водки, ничего не знал, — сразу вешайся...

Сержанты согласно заулыбались. «Половина умвёт по довоге», — «утешил» Малец. «Ну, уж ты-то скорее сдохнешь, чем я», — ответил ему Митяй в уме. К этому сержанту он начинал чувствовать глубокую неприязнь.

Старшина закончил речь и ушёл. Из шеренги сержантов вперёд шагнул Терещук и, сделав рожицу, крикнул: «Отбой, сорок пять секунд!» Курсанты метнулись в расположение, на ходу расстёгивая пуговицы. Ругань, толкотня... За отпущенное время не успели даже добраться до своих кроватей. Подъём. Вновь построились. Сержанты проверили, все ли пуговицы у молодых застёгнуты (кто-то хитрый получил оплеуху), и снова скомандовали отбой. Подъём. Ещё отбой. Уже никто не переругивался, все поняли, что на панике лишь теряется время. Ещё один отбой. Тишина. Неужели всё, можно уснуть? Сержанты о чём-то совещались, негромко хихикая.

— Значит так, — скомандовал один. — Я подхожу к вам и говорю: «Духи-и!» Вы тихо отвечаете: «Мы-ы». Я — вам: «День прошёл». А вы: «Слава Богу, не убили». Ну, попробуем.

— Ду-хи-и...

— Мы-ы...

— Не так, протяжнее, как будто вы духи, понимаете, из пещеры.

— Ду-хи-и...

— Мы-ы...

— Кто не отвечает, недоноски?! — Терещук пошёл между кроватями. — Давай, Серёга.

— Ду-хи-и...

— Мы-ы-ы...

— День прошёл!

— Слава Богу, не убили.

— Вот теперь лучше. Ещё раз.

Через пару минут развлечения возглавил Малец.

— Внимание, ублюдки! Будем заниматься ствовой подготовкой на кватрах! Вавняйсь!

Смивно! Напва-во!

Терещук и двое других ходили между ярусами коек и проверяли выполнение команд.

— Отставить! Нале-во! Кву-гом! Не слышу, ублюдки! Кву-гом! Во-от! Тепевь все повевнулись на плавый бок и левой вукой взялись за плавое яичко! Все! Не дай Бог, кто не возьмётся!..

— Ах ты, сука! — набросился сержант на кого-то.

Слышно было, как он лупил кулаком несчастного на верхней койке:

— Почему не выполнил команды сержанта Советской Армии?! Почему?! Почему?!

— Отставить! — командовал Малец дальше. — Кву-гом!левой... Нет, плавой вукой все взялись за левое яичко и — я командую, а вы отвечаете: «Слава!»

— Советской Армии и Военно-Морскому Флоту!..

— Слава!

— Гвомче, ублюдки! Никто не убивает вук! Севжантам Квасной Авмии!..

— Слава!!

— Офицевам!..

— Слава!!

— Министву обовоны мавшалу Соколову!..

— Слава!!

Прошла неделя. После повзводного деления курсантов, при котором критерием командир роты почему-то выбрал рост, Миха попал в первый взвод под командование того, кого Митяй называл про себя «Малец», — младшего сержанта Гриши Петина. Взвод, где Миха со своими ста семьюдесятью девятью сантиметрами стоял в последней шеренге, тут же окрестил своего замкомвзвода «ублюдком» по любимому словечку Гриши. Занятно было видеть, как Петин задира голову перед построенным взводом и гнусавил: «Козлы! Щеглы! Да я вас!...».

Бил он слабо, и назло ему никто из пацанов не выражал боли ни лицом, ни голосом.

Второй взвод достался Андрею Терещуку. Спать его подчинённые ложились после пятнадцатого отбоя, когда уставал командовать сам «замок». Во втором оказались Митяй и Петро, с которым Миха поддерживал приятельские отношения. Впрочем, времени на разговоры почти не было. Утро проходило в занятиях строевой, политической, технической подготовкой; скрябание полов чуть ли не каждый день заканчивалось перед самым сном. Вообще, наведение порядка стояло на первом месте. Едва ли не круглосуточно двое провинившихся за что-либо натирали полы, дёргая туда-сюда «машку», деревянный прямоугольный короб с грузом, обитый снизу кусками шинели.

За неделю в роту прибыли ещё три группы новобранцев — человек двадцать пять, и теперь при построении они образовывали на левом фланге что-то вроде пятого взвода. Все они

были лишними, и сержанты поговаривали об отправке в войска. Из учебки никто уезжать не хотел: здесь — только кучка капралов, а там — и «деды», и «фазаны», и «черепа», и те же сержанты. Да ещё и «урюки», как говорили капралы, которые, видать, и сами боялись покинуть учебную роту.

Но самым главным событием прошедших дней для курсантов было начало нарядов. Теперь по вечерам все со страхом ждали назначения на КПП, по роте, в столовую и в кочегарку. Особенно боялись столовой, где было много работы и не было ни сна, ни отдыха.

Произошла и не очень заметная пока дифференциация между молодыми. Тех, у кого не получалось быстро работать, быстро одеваться и раздеваться, кто стонал и спотыкался на зарядке, «дрочили» ещё сильнее, ставили в худшие наряды. К ним без конца придирались жестокий и неистощимый на унижения Терещук. В число таких — а сержанты именовали их «чмырями» — боялся попасть каждый, а потому тянулись изо всех сил, чтобы только не выделяться, оставаясь в золотой середине. Обозначилась и другая прослойка. Один, Паша Бугулюн из первого взвода, хорошо играл на гитаре, и теперь ночи для него проходили без нарядов, но и без сна. Другой устроился в каптёрку старшины. Работы меньше, но больше оплеух и окриков: старшина любил идеальный порядок и идеальное послушание. Очкарику, которому не удавалась строевая подготовка, призванному на службу в двадцать четыре года, повезло больше всех: день он проводил в канцелярии ротного, печатал, писал, чертил... Техническое образование ценилось особенно.

На четырнадцатые сутки своей службы Миха впервые пошёл в наряд «по кухне». В прошлый раз, когда в столовую заступало первое отделение его взвода, он сделал шаг влево — благо соседи по шеренге находились в санчасти с привезённым с гражданки триппером — и в число несчастных не попал. Но теперь Гришин напарник, младший сержант Цебух, вытолкнул Миху из строя: «Цей ще не був у наряди». «Козёл!» — смело ответил ему Миха про себя. К Цебуху плохо относились все курсанты, в том числе и украинцы. Земляк-сержант даже ни разу не заговорил с ними. Массивный, с выдающейся вперёд грудью и большими кулачищами, с бесстрастным лицом, но с чересчур наблюдательными глазами на нём, командир отделения гришиного взвода обладал очень неровным характером. Он никогда не искал повода ударить курсанта, но тот, кто хоть на минуту разгибал спину или переставал тереть стену тряпкой, мгновенно получал тяжёлый удар-толчок между лопаток и летел под раскатистый хохот богатыря.

Самым мирным из сержантов считался замкомвзвод третьего Шпенёнок: он всего лишь давал пощёчины. Третьему взводу завидовали.

Встав среди выбранных в наряд, Миха сразу успокоился. Биение сердца вошло в норму, голову больше не одолевала мысль «хоть бы не меня, хоть бы не меня...» Теперь дело решённое. Он успел даже заметить, что Митяй пошёл в наряд по роте вместе с Грибаниным, чмырём второго взвода, которого Терещук совал во все щели, будь то работа на морозе по восстановлению дембельского забора, надалбливание угля после отбоя в помощь наряду кочегаров или неизменное скрябание, от которого при уме и хитрости уже можно было отмазаться. Специалистом высокого класса здесь оказался тот самый рыжий, Серёга Никитин из второго взвода, который после съеденной перед строем булки хлеба не только не опустил, но, наоборот, прежде чем сержанты обратили внимание, сходил дважды подряд в лёгкий наряд по КПП, когда его взвод заступал по столовой.

Наконец, наряд назначили. Что с каждым днём становилось всё трудней. Полтора десятка курсантов переселились в санчасть, а одного даже забрали в госпиталь: подозрение на язву желудка. Проклятое скрябание, когда пальцы без конца резались стёклами, а непривычный климат не давал ранам заживать, образуя мягкие водянистые опухоли — панариции, приводило к тому, что ежедневно кто-нибудь из сержантов водил чуть ли не целый взвод в сан-

часть. Курсанты возвращались с перебинтованными руками, которые теперь использовались как повод «рубить колоду». Доходило до того, что при назначении наряда Терещук требовал разбинтовывать пальцы, и сам определял, в какой стадии находится процесс выздоровления.

Помимо больных, часть роты была в наряде, часть только вчера сменилась, и дело шло к тому, что придётся «тащить наряд» через сутки. Днём на политзанятиях, на которые всегда старались собрать как можно больше солдат, сидела жалкая кучка. Гораздо большая копошилась вокруг забора части: срочная работа. Возможно, выгнали бы всех, да не хватало тёплого обмундирования, особенно рукавиц. Миха шутил: «Напишу китайцам, чтоб зимой не напали: нам не в чём обороняться».

...Пришли в столовую. Старый наряд передал белые рубашки (нижнее бельё), которые натягивались поверх пэша; новый наряд проверил посуду и порядок; и сержант Круглов, дежурный по столовой, коротко, но обстоятельно объяснил боевую задачу. Миха мало знал этого капрала, командира отделения в третьем взводе, всегда серьёзного и уравновешенного. Пацаны говорили, что Круглов — фазан, т.е. прослужил год, и странно было, что его не поставили замком. Терещук, Петин и другие были всего лишь черепами, одного с ним, Михой, года рождения.

Шустро убрали со столов, благо на ужин, в отличие от обеда, ставилось только по одному бачку — с кашей. Двое остались мыть полы, остальные налегли на посуду. Миха подзадоривал мойщиков анекдотами про глупых генералов и хитрых и находчивых солдат и украдкой наблюдал за двумя самыми высокими в их взводе, а следовательно, и во всей роте курсантами. Оба устроились у окошка в зал, счищали с мисок остатки пищи (если таковые встречались) и сортировали посуду, опуская в разные ванны. Остальные мыли, сидя на широких краях ванн.

— Генерал идёт по части, все на занятиях, на работах... Вдруг видит: один солдат лежит на кровати в сапогах и курит. «Как ты смеешь?! Ты кто такой?!» — Я дембель, а ты кто?» — Я генерал!!» — «Ге-не-рал... — задумчиво так говорит солдат, пуская дым. — Что ж, генерал тоже неплохо».

Посмеялись. Миха посматривал на здоровяков, думая о том, какие они разные, хотя внешне — близнецы. Все единогласно решили, что оставшиеся на хлебных тарелках куски — в основном со столов офицеров, сержантов и новеньких призывников — оставят на ночь: половину обменяют с нарядом по кочегарке на печёную картошку, остальное сами съедят с картошкой. И было забавно видеть, как один из чистивших посуду суёт иногда себе в рот кусок хлеба, беззаботно приговаривая: «А, какой-то маленький... А этот отломан». Никто не возражал — стыдились об этом говорить, но глаза выдавали: это — не товарищ, а чмо. Его напарник тоже был не против пожевать (с таким ростом ему следовало бы три ужина, а не один), но мнение товарищей для него было важнее куска. «Вкалываем, как бегемоты, — подумал Миха, выполаскивая черпаки, — и бесплатно, так хоть кормили бы по-человечески. Чтoб не думать об этой паршивой жратве целыми днями. Сколько денег на армию уходит. И на что только они их тратят?»

Пришли двое, мывшие зал.

— Что, уже закончили?

— Конечно, не то что вы — копаетесь.

— Ладно, мы тоже скоро...

В маленькую посудомойку ввалились ещё четверо.

— Ну что, получили продукты?

— Получили.

— Подрезали что-нибудь?

— Ага, — ответил за всех Виктор Милютин, призванный со второго курса какого-то с замысловатым названием института, — нас, духов, даже в склад не пускают.

— Картошку привезли?

— Да, три больших чана, на полночи хватит.

— Ничего. Сейчас все вместе накинемся. В варочной проходили, видели, Серёга уже убрался?

— Да он что-то там колдует у плиты... Полы чистые.

— Ну вот, почистим картошку и ещё часа три поспим.

— Наряд, строиться! Бегом! — донеслось из зала.

Пацаны расслабились в отсутствии сержантов и теперь не сразу сообразили, что делать. Послышалось вторичное:

— Строиться, недоноски, мать вашу!..

Все вылетели в зал, встали в шеренгу. Круглов с ненавистью оглядел молодых.

— Посуду помыли?

— Заканчиваем, — сказал Миха, видя, что никто не решается открыть рот.

— Долго возитесь, пидоры. Отдыхать сюда пришли?

Сержант начал обходить шеренгу, вышибая всех последовательно кулаком из строя. Бил в грудь, но двум великанам не повезло: им досталось в живот, так как до их груди невысокому Круглову было не достать прямым ударом.

— Хватит или ещё?

Все молчали.

— Десять минут на посуду. В посудомойке — идеальный порядок. Вы трое — вперёд!..

Пятеро — на зал: моете полы, стены, столы выравниваете по нитке... Вы четверо — на картошку. Остальные доделывают и туда же... От вас самих зависит, сколько будете спать.

«Вот скотина, — ругался про себя Миха, двигая шваброй, — снова чистый уже зал мыть. Теперь больше часа вряд ли поспим». Круглов показал власть и исчез, зато пришла целая толпа: водители с постоянной, старшина, ещё кто-то и Бугулюн с гитарой. Они уселись в углу зала и выключили светильники; одни подпевали, другие пили чай со сгущённым молоком. Пришлось домывать в темноте. Лишь со стороны варочной лежала на полу полоса света.

— Псы, опять грязь разведут, — негромко сказал Милютин у ведра с водой.

— И этот, Бугулюн, с нами в наряд назначен, — заметил Миха.

— Да его всегда в столовую назначают, толку-то... Зато днём, волк, отсыпается.

— Куда там, — усмехнулся подошедший с тряпкой Семанин, — постоянка положит спать, а сержанты поднимут: в девять часов ведь ротный приходит... Слушайте, может они нам сгущёнки оставят и хлеба? Надо сторожить.

— Обойдусь без их объедков, — ответил Милютин.

...К часу ночи весь наряд собрался вокруг картошки в узеньком коридоре у чёрного входа. Сначала старались чистить быстро, почти не разговаривали. Но пришёл Круглов, вновь застроил, «проверил фанеру» ударами в грудь и заставил перемыть почти всю посуду. Желание побыстрее закончить работу постепенно иссякло. Картофельная куча не убывала, а ночь приблизилась к середине. Чистили еле-еле, болтали, шарахались по столовой, полчаса жевали печёную картошку, принесённую их кочегарки. Всеми овладела полная апатия, и Миха с ужасом думал о том, что впереди целый день на ногах.

В пятом часу появилась надежда на то, что отдых всё же возможен: ванна в овощерезке до краёв заполнилась картошкой. Появился Круглов, приказал резать её в два бачка и сказал, что, когда всё закончат и наведут здесь порядок, можно поспать. Но — до половины седьмого, а там пора будет получать хлеб и расставлять посуду на столы.

В шесть ноль-ноль всё было сделано. Чтобы узнать время, Милютин сбегал в казарму. Несколько пацанов предложили пожарить картошку на воде, но Миху никакой голод сейчас не заставил бы отказаться от возможности вытянуть ноги и расслабиться. Он лёг на лавку в зале, сунул под голову шапку и, быстро погружаясь в забытие, подумал: «Попробую аутотренинг: я буду спать пять часов, я буду спать целых пять часов... Бляха-муха, ещё и шутить могу».

Через секунду он провалился в бездну без какого-либо намёка на сновидения. Но полчаса отдыха только обострили ощущение разбитости. Тело сделалось вялым, голова гудела. Во главе с Кругловым, который, в отличие от курсантов, оделся в бушлат, весь наряд отправился за хлебом к столовой учебного артиллерийского полка, куда приезжала хлебовозка.

Время на восходе солнца — самое морозное; и, когда сержант скомандовал «бегом», все с удовольствием подчинились. Затвердевший за ночь снег хрустел под сапогами, но не проминаясь; дышать было больно, и курсанты прикрывали носы рукавицами. Добежали быстро.

Когда получили лотки с рядами свежих, восхитительно пахнущих и очень красивых буханок, к одному из сапёров неожиданно подскочил из-за угла какой-то грязный, тощий солдат и, схватив булку, рванул к казармам. Все были рядом, но руки у каждого заняты лотками, а сержант подбежал слишком поздно: фигура голодного защитника Родины мелькала в предрасветной грязно-синей мгле уже метрах в пятидесяти. Оставалось только покричать и посвистеть вслед. А ещё — позавидовать чужой удаче.

На обратном пути, когда шли, растянувшись длинной цепочкой, многие умудрились отщипнуть от булок маленькие прожаренные корочки. Не удержался и Миха, хотя точно знал, что есть захочется ещё сильнее. Впрочем, в столовой хлеборез дал им булку, и один из несчастных очень точно разрезал её на двенадцать кусочков. Впервые за две недели Миха ел спокойно. Он откусывал понемногу и ждал, когда кусочек полностью растает во рту, в обильной слюне. Сейчас он готов был спорить, что это самое большое наслаждение из всех тех, какие способна предложить нам земная жизнь. Что-то вроде ненависти испытывал он к тому, гражданскому Михе Кириллюку, который месяц назад дни и ночи напролёт проводил в компании сверстников и на мамино «поел бы» только отмахивался рукой. Каким же дураком надо быть, чтоб не понимать, что на свете нет ничего лучше котлет с чесноком и перцем в мамином исполнении! Именно котлет и — почему-то — молока, к которому у него никогда не было особого пристрастия, ему сейчас хотелось больше всего. Все вокруг мечтают о жареной картошке, Митяй тоже — о картошке и ещё печенье; Михина же мечта в редкие минуты покоя на политзанятиях и перед сном — горячие котлеты с чесночным запахом. Всего двух недель хватило, чтобы голод подавил его натуру. И это в мирное время! Разве мог он подумать прежде, какой великой ценностью станет для него в ноябре 1984 года этот кусок обыкновенного хлеба? А может, армия и придумана для того, чтобы понять, что обычная светская жизнь не такая уж плохая?

...Подготовить столовую к завтраку оказалось не так-то просто. На каждый стол помещались две чашки под хлеб, одна под масло, одна под сахар, стопка мисок с ложками для каши и — в углу стола — десять железных армейских кружек. Другой угол предназначался для бачка и чайника. Когда всё было расставлено, Круглов дал катушку ниток, и столы, а также каждый вид посуды были выровнены по линиям. Вся эта возня здорово удивляла курсантов: ведь больше пяти минут рота здесь не пробудет.

Перед самым завтраком повар открыл котлы, и весь наряд принялся носить бачки с дымящимся картофельным пюре и чайники. Последний, самый полный бачок Миха поставил на стол наряда. Масло, сахар и хлеб хлеборез раскладывал сам. После того как всё было готово, дежурный по столовой позволил подчинённым завтракать. Сначала все по привычке набросились на еду, но после добродушной насмешки хлебореза осеклись.

— Сегодня можно есть не торопясь, как дома, — предположил кто-то, но несколько голов сразу возразило в той же духе, что данная пища с домашней не идёт ни в какое сравнение.

Зато как забавно было спокойно жевать и наблюдать за ротой, которая быстро заполнила зал и с шумом и возгласами накинута на еду. Терещук то и дело требовал тишины, пригрозил прекратить завтрак и даже швырнул в кого-то кружку. Двенадцать человек наряда покровительственно улыбались, а Милютин даже сказал: «Дикари». Но Миха и другие, коли выпала минутка, когда можно было расслабиться, подумали о другом: длинный рабочий день только начинается...

После завтрака Миха мыл зал с высоким, жилистым, призванным в армию далеко не со своим возрастом Игорем Чешко и Витькой Семаниным, неглупым, но подавленным жёсткой армейской жизнью парнем. Они разделили работу и, не суетясь, — всё равно без дела сидеть не позволят — начали убираться. Пришёл Круглов и молча сел за стол, раскрыв перед собой какую-то брошюрку. Пришлось показывать, как ты старательно работаешь, и разговаривать только по делу.

Минут через десять сержант поднялся со своего места: «Строиться... Здесь, на середине». Он задумчиво подошёл, внимательно оглядел застывших курсантов. Вдруг — три коротких удара в челюсти. Игорь грохнулся, близкий к обмороку; Миха успел напрячься и устоял; Круглов накинута на Семанина:

— Ты почему притворяешься, сука, почему? Я тебя левой ударил... Смотри: этот устоял на ногах... Смирно!

Семанин вытянулся, как струна. Удар по подбородку и в корпус: несчастный упал на живот и, когда перевернулся, Миха с ужасом увидел, что тот плачет. Круглов подошёл к своей книжке, полистал, вернулся к духам. Удары. Вновь — к книжке. Удары... Миха постепенно перестал чувствовать боль, исчезла куда-то обычная в такие моменты мысль «хоть бы это в последний раз». Как манекен, он отлетал в сторону, приходил в себя и вновь становился в строй из трёх человек. Семанин всхлипывал и громко стонал в надежде на пощаду, но боксёр заботился об одном: нанести удар точно по инструкции. Потом, вечером, когда сдали наряд и вспоминали походя события дня, Милютин, видевший всё из посудомойки, сказал им, что экзекуция продолжалась около тридцати минут. «Да? — равнодушно переспросил Миха. — Даже ничего не сломал слабак». В мыслях было одно: поскорее лечь спать и задвинуть проклятый день в прошлое.

После вечерней поверки, которая в этот день прошла на удивление быстро, вдруг оказалось, что предстоит подшивать шинелей. Целый час ушёл только на примерку. Причём сам старшина очень старательно осматривал каждого, что-то прикидывал и только тогда выносил приговор: «...сь!» (т.е. годится).

Петин обрадовал, что подшивает всю шинель за сорок минут, но по истечении этого времени Миха пришил всего один погон. На той же стадии работы находился и Митяй, сидевший рядом. Первый и второй взводы расположились между рядами кроватей на проходе, где было больше света. Третий и четвёртый вынесли стулья из ленкомнаты и сели перед бытовкой.

— Комедия с этим Грибаниным, — рассказывал Митяй за работой. — Стоит он вчера вечером возле тумбочки (я вытирал полы в умывальнике) и вдруг орёт: «Ефрейтор Петин, на выход!» Я о... ел. Выглядываю, а рядом с Грибаниным стоят Терещук, Шпенёнок и другие капралы и тыкают его кулачищами: кричи, мол. Тот опять: «Ефрейтор Петин, на выход!» Гриша приходит — те смылись в бытовку. Он ему: «Квичи: «Вядовой Тевещук, на выход!» И — кулаком. Тот орёт. Вылетает красный от злости Терещук, и Грибанин минут пять дёргается на оплеухах. Снова орёт: «Ефрейтор Петин, на выход!» Гриша прибегает, давай его тырить. Терещук рядом хохочет. Начали оба заставлять орать один про другого. Грибанин, дурак, растерялся, вообще отказался кричать. Ну, они его вдвоём...

Миха закончил второй погон и огляделся. Некоторые уже пришили петлицы и приступили к шеврону. Терещук показывал всем, как пришивать шеврон ровно, точно на расстоянии длины военного билета от плеча. Миха оставил пока петлицы с красивыми сапёрными эмблемами и решил вперёд сделать самое трудное. Голова после столовой уже отказывалась работать, глаза слипались, и приходилось бегать в умывальник споласкиваться холодной водой. Он дольше всех просидел над шевроном, вслушиваясь в замечания, которыми сержанты сопровождали браковку работы молодых, и пришил всё с первого раза. Митяй разделался с проклятым шевроном с седьмой попытки. Большинство — около этого.

В два часа ночи вся рота построилась внизу, и старшина устроил смотр. Отослав человек пятнадцать что-то переделывать, он приказал остальным гладить шинели. Дело нескорое: рота имела всего четыре утюга, из них один заняли сержанты. Наконец, в четвёртом часу «оборудованные», выглаженные, клеймённые хлоркой, осточертевшие уже всем шинели были сданы в каптёрку. Старшина больше не появлялся. Терещук построил курсантов и объявил: «Завтра, то есть сегодня уже, в учебную дивизию приезжает зам командующего округом генерал Балбенов. Приедет посмотреть и нашу учебную роту. Сами видите, какой у нас бардак... — он бесстрастно оглядел помещение и продолжил. — Поэтому быстро наводим идеальный порядок и отбиваемся. Сержанты, видите, тоже с вами не спят... Задача следующая...»

Курсанты резво накинулись на работу, надеясь отвоевать у ночи хоть немного времени для сна. Они шумно суетились, подзадоривали друг друга стандартными фразами, вольно или невольно копируя капралов. Прыть однако быстро пришла, быстро и ушла, стоило только опуститься на корточки с куском стекла в руках. Боевой дух вытеснился апатией. Терещук и двое младших сержантов исчезли, а их место заняли довольно свежо выглядевшие Круглов и замок четвёртого взвода Крусавин. «Выспались сволочи», — отметил Митяй про себя. Он скрёб четыре доски, немного опережая соседей и стоя на коленках. На корточках уже мало кто выдерживал: уставали колени, мешали сапоги, больно стягивали ноги по-дурацки зауженные к низу военные брюки. Зато очень удобной новая поза курсантов была для Круглова. Он снял ремень, и, чуть кто замедлял движения и начинал дремать — прямо стоя на коленях, — лупил бляшкой по задку: «Не спать, недоноски, для Родины трудитесь! Чистота в казарме — это тоже укрепление обороны!»

Снял ремень и Крусавин, когда Круглов пошёл проверять, как идёт работа в умывальнике. Капрал ходил меж согнутых фигур, топтал стекло, разносил сапогами стружку, покривал и, раскрутив ремень, смачно лепил какому-нибудь сонному.

Через час на смену этим сержантам пришли другие — Петин и Цебух. Время растянулось и замерло, ночь стала казаться бесконечной. Туман обречённости опустился на десятки копошившихся на полу людей; вместо «скорее бы закончить работу» каждый думал о том, что было бы величайшей удачей вздремнуть прямо здесь, стоя на коленях, всего одну-две минуты.

Доведя половые доски первого этажа до цвета полной луны, рота перебралась на второй этаж. Здесь половину расположения занимали кровати третьего и четвёртого взводов. Их быстро вынесли в коридор, освобождая фронт работы. Сложнее было с другой половиной: десятка два водителей, поваров и прочих представителей «постоянки», постоянного состава учебной роты, мирно спали, словно никаких генералов на свете и не существовало. Не включая свет, курсанты выскребли свободное пространство, затем осторожно переставили туда заселённые кровати и продолжили эпопею на коленях.

Стараясь побыстрее шевелить руками и заставляя себя напряжённо думать, чтобы не закрыть глаза и не схлопотать по задку, Митяй ругал незнакомого генерала. Ругал щедро, живописно, обстоятельно. Начав персонально с личности, он перебрал родню генерала, предков, потомков, перешёл к неодушевлённым предметам, как-то: к генеральскому УАЗику, генеральской квартире и даже к двери в подъезде дома, где живёт генерал, и закончил проклятиями в адрес потёртой жёлто-белой пуговицы на генеральском мундире, второй сверху. Удовлетворившись этим, Митяй обратился к тем далёким и неизвестным людям, которые требуют по десять раз в год красить танки и не отпускают краски на полы в учебных подразделениях. Здесь он добрался до стелек в сапогах этих людей, твёрдо заявив себе, что совершил над данными предметами насильственное действие. Мысли отвлекали, ругань, хотя и не высказанная вслух, охлаждала злость и ненависть. Проклятья ослабевали, когда капралы теряли на минуту бдительность, когда мысли начинали путаться и голова опускалась вниз, и вновь усиливались после резко пробуждающего удара ремнём.

В ту самую минуту, когда Митяй заканчивал очередную полосу, устало споря с соседом слева: «Это доска твоя, мои вот четыре», Миха спал, но спал несколько странно — под потолком.

Парню слишком не везло в последние дни, и, наконец, судьба немного смиростивилась над ним. Терещук, распределяя взвода по работам, послал Миху убираться в ленкомнате. С большой банкой в руках (ведра уже расхватили), в которой плавали тряпка и мыло, он зашёл в ленинскую, обследовал её внимательно и — растерялся: был полный порядок. Наверняка, ответственный за ленкомнату второй взвод хорошо поработал здесь днём. Вот только радоваться этому или огорчаться, он не знал. Но — порядок требовался не полный, а идеальный, и Миха смахнул предполагаемую пыль, выровнял столы и стулья, на раз протёр паркетный пол... Заглянул Круглов и, брякнув какое-то глупое указание, исчез. Миха осмотрелся: делать больше нечего, можно встать где-нибудь в уголке с тряпкой в руках и ждать, когда все закончат работу. Однако смертельно хотелось спать. Подняв глаза вверх, он обратил внимание на то, что лозунг «Коммунизм уже не за горами» на белой бумаге, обтянутой плёнкой, сильно загажен мухами. За осень никто не догадался его протереть. «Эврика!» — вслух воскликнул обрадованный парень. — «Так говаривал в ванне мой дедушка Архимед, когда в кране появлялась горячая вода». Лозунг висел над дверью, и Миха пододвинул стол, поставил на него другой, а наверх ещё стул и свою банку-ведро и, плотно притянув дверь, залез на свою пирамиду. Усевшись на спинку стула и положив на раму с лозунгом тряпку, он предупредил себя: «Внимание на дверь!», склонил голову на колени и задремал. Каждые десять-пятнадцать минут Миха бдително встряхивался, смотрел вниз и снова закрывал глаза. Так прошло полчаса, час, сержанты не тревожили... Разбудил Миху топот. «Фу, кажется, это со второго этажа спускаются, а я уже подумал, что лечу вниз». Он спустился, приоткрыл дверь.

— Куда идёте?

— Спать! — как-то пугающе радостно крикнул из толпы Витька Милютин, нелепо взмахнув рукой.

— Уже всё сделали?

— Всё! Всё!

Курсанты двигали руками и поворачивали головы как-то неестественно и больше походили на зелёные привидения или роботов с красными глазами. Миха быстро раскидал свою баррикаду, отнёс банку в туалет и, проходя в спальное расположение, глянул на часы: шесть. Через полчаса подъём.

Торжественным утром девятнадцатого ноября зарядки не было: наводили идеальный порядок.

Сами капралы набивали уголки на постелях некоторых нерадивых курсантов. Старшина, чистенький, выглаженный и злой, гонял всех. Двадцать минут дал молодым, чтобы привести себя в порядок, затем лично провёл утренний осмотр. Трое, не удовлетворившие своим внешним видом его требованиям, были отправлены в столовую и заменили троих из наряда. Часов в семь прибежали ротный и два взводных и закрылись в канцелярии. Рота чинно, с повышенной организованностью сходила на завтрак, вновь убралась в спальном расположении, затем расселась на политзанятие. Через час оказалось, что генерал проехал мимо, не навестив сапёров. Старшина погнал всех восстанавливать забор и убирать снег.

День прошёл быстро. После обеда ротный не приходил, и сержанты с трудом выдумывали, чем занять подчинённых. Перед ужином назначили наряд. Сходили в столовую. Генералов больше не предвиделось, и курсанты спокойно занялись «подготовкой к завтрашнему дню».

Миха уже научился ориентироваться и сделал всё быстро. К счастью, на подбородке почти ничего не росло, и не надо было клянчить бритвенный станок у какого-нибудь жмота

Семанина. Миха тихонько зашёл в ленинскую комнату, чтобы не видел неугомонный Петин, который сам иногда точно не знал, к чему придирается, и стал писать письмо маме. Так же тихо втиснулся в ленокмнату и Митяй. Приятели обрадовались друг другу, как после долгой разлуки.

— Я видел, как ты сюда зашёл... — сказал Митяй. — Хочу спросить... Представляешь, не могу вспомнить, кукую кашу мы ели на ужин. И вроде бы наплевать, а вот удивительно: забыл. Привязалась мысль...

— Чем такой ужин, так я лучше бы покурил.

— Да, курить охота — смерть. Я сегодня дёрнул два раза, у кого-то нашлась папироса.

— Знаю, знаю, пацаны из твоего взвода надавали Терещуку рублей десять, а он им купил две пачки «Беломора».

— Да?.. И ведь магазин-то рядом...

— Ну, сбегай. Из нарядов тогда не вылезешь до весны...

— Эт точно.

Оба замолчали. Можно было разговаривать, но страх, что кто-нибудь зайдёт и за что-нибудь накажет, сковывал, не давал расслабиться.

— Строиться на вечернюю поверку! — заорал дневальный, отчётливо отделяя одно слово от другого.

Приятели встрепенулись и обречённо посмотрели друг на друга, встретились глазами. «Десять раз по сорок пять секунд и сон, не дающий отдыха телу и мозгам», — синхронно подумали они и пошли в коридор.

Курсанты торопливо сходились на центральном проходе перед дверьми казармы, становились по взводам и отделениям. Пока ждали старшину, капралы привычно развлекались.

— Пидавасы! — орал маленький Петин, оглядывая подчинённых. — Вы знаете, что вы пидавасы?! Я вас спвашиваю!

— Так точно.

— Не понял!

— Так точно, товарищ младший сержант!

— Гвомче!

— Так точно! Таарц! Млад! Саант!!

Терещук веселился по-другому. Он дул на взвод, и солдаты, как будто под ураганным ветром, падали шеренга на шеренгу. Плохо приходилось тому, кто слабо имитировал борьбу со стихией.

Круглов в вечно плохом настроении выводил из строя тех, кто криво пришил подворотничок или не почистил сапоги, и вкрадчиво спрашивал:

— А почему сапоги грязные?

— Я чистил, товарищ сержант.

— А почему же они не чёрные?

— Крема нет.

— Ну, а вакса?

— Мне не хватило, кончилась.

— Рожай, сука!! — чёткий боксёрский удар отбрасывал несчастного на несколько шагов. Терещук устал дуть.

— Взвод, вспышка слева! — скомандовал он.

Все грохнулись на пол.

— Отставить.

— Почему пэша грязное?! — подскочил он к Грибанину.

— Так ведь это...

— Что?!

— Так ведь мы падали, товарищ младший сержант.

— Что?!

— Дурак, что ты говоришь, — шептали со всех сторон. — Он уже сержант.

Но Грибанин вконец растерялся. Бедняга всех капралов: и младших, и не младших (а таковыми были Терещук и Круглов) называл «товарищами сержантами», но тут вдруг брякнул слово «младший» и не по адресу.

— Выходи, выходи сюда, — тащил его за ухо Терещук, — становись на тумбочку: ты в наряде.

— Товарищ сержант, я ведь только сменился.

— Меня не ...! Попробуй заплачь при старшине, забудешь, что такое спать.

— Вот, смивно! — завизжал Петин.

Старшина, в футболке и кроссовках, вышел из каптёрки и начал поверку. В эту ночь роту ждал новый сюрприз: исчез Меньшаков из третьего взвода. Проверили наряды, поискали в помещениях: нигде нет. Цебух пошёл за ротным. Старшина одел десятка два курсантов и отправил по окрестностям, но в степи, где жили сапёры, не было даже птиц. К счастью, Меньшаков не был генералом, и часам к двум учебка легла спать. Командир роты, двое сержантов и пятеро молодых ушли в город, надеясь выловить беглеца на вокзале. Грибанину повезло в эту ночь. Меньшаков, привезённый в четыре утра в родную часть, заменил беднягу «на тумбочке» по приказу ротного.

Однажды, часа за два до ужина, сержанты вдруг прервали все работы, одели курсантов в шинели и объявили, что ведут их в баню. Радости не было предела: и мытьё, и избавление, пусть ненадолго, от работы, и прогулка по городу — тройная удача. Оставалось лишь посочувствовать тем, кто находился в нарядах.

Шли растянутой колонной по трое в приподнятом настроении, весело обмениваясь шутками. Несколько огорчало то, что рота не имела пока нижнего нательного белья на смену, ну да можно было как-нибудь и самому постирать — если очень хочется, конечно. Пересекли военный городок где-то наполовину и остановились у небольшого серо-обшарпанного здания гарнизонной бани. С полчаса пришлось ждать очереди, но в предвкушении тепла на мороз никто не жаловался. С любопытством разглядывали сапёры курсантов других учебок. Отличий больших, правда, не замечали. Солдаты выскакивали по одному из низких дверей бани и, понукаемые своими капрами, быстро строились. Несколько раз следовала команда «Равняйся! Смирно!», мат в чей-нибудь адрес, духов пересчитывали и уводили.

Наконец, Крусавин гаркнул, и сапёрная рота начала заходить в баню. Попытались было забегать, но внутри оказалось настолько тесно, что последние уже не заходили, а втискивались. Заняли угол раздевалки. Вместо привычных на гражданке шкафов — что-то наподобие больших кресел с высокими спинками, одно на десять человек. Пока торопливо скидывали одежду под угрозы Крусавина и Цебуха устроить раздевание за сорок пять секунд, пронеслась новость, что горячая вода на исходе. Это подстегнуло.

Митяй одним из первых, умудрившись схватить из наволочки, принесённой каптёрщиком, и мыло, и вихотку, вошёл в помещение для мытья. «Ну, и дубор», — остановился он и, подумав, что придётся облить себя водой, почувствовал дрожь. Следом вошёл какой-то сержант и, оттолкнув Митяя, начал орать на своих, пинать их по голому телу и выгонять одеваться: «Чё, долга я буду вас ожидать, духи?» Митяй обратил внимание, что выходившие, точнее, выбегавшие мылись, стоя на картонках, и подобрал одну себе. «Хоть ноги не застынут», — оценил он маленькую солдатскую хитрость.

Действительно, вода из крана вытекала еле тёплой и через три минуты уравнивалась с температурой окружающей среды. Но делать нечего, надо мыться. Больше десяти минут однако

никто не выдерживал. Одни, наскоро ополоснувшись, выскакивали прочь скорее одеваться. Другие пытались некоторое время растереть себя вихотками, но холод побеждал и этих.

В часть возвращались без шуток. Позади — неудачное мытьё, впереди — скудный ужин и серия отбоев, а может, ещё и работа перед ужином: никто не догадался затянуть время помывки.

Справа вдруг разом погасли все окна белой пятиэтажки. «Видали?! — крикнул Цебух. — Нэма свету у офицерском доме. А ротный говорит, и воды нэ бываэ. Так шо вам ще повезло в бане. Хоть холодная, но була...»

Двадцать второго ноября зима перешла в решительное наступление. Если в предыдущие два дня шёл снег, и температура была довольно сносной, то теперь резко опустило ниже тридцати. Ветер, словно оборвав все цепи и путы, сдерживавшие его до сих пор, бешено носился по степи: то кружил волчком, то рвался порыв за порывом, то мчался поверх сугробов, набирая скорость и хватая попутно ветки, комья снега, мусор. Несчастливая казарма сапёрной роты вслед за ветром вздыхала, охала, гудела. Казалось, ещё порыв, и ветер понесёт её как перекати-поле по равнине, пока не загонит куда-нибудь в овраг.

В этот день штаб дивизии затребовал пятнадцать человек на уборку снега, ещё десятеро ушли работать на склады; остальная рота, за исключением работавших в автопарке, двух десятков курсантов в наряде и четырнадцати в санчасти, сидела в учебном классе. Сержанты развесили старенькие плакаты с рисунками машин и механизмов, стоявших на вооружении советских сапёров, и заставили учить наизусть их ТТХ (тактико-технические характеристики). С утра попробовали было заняться строевой, но сами капралы больше десяти минут на ветру не выдерживали, и пришлось загнать курсантов обратно в казарму.

— Все изучаем тэхнику, — требовал Цебух, ходивший меж рядов. — Кто будэт спать — на мороз, бегать вокруг казармы. Грибанин, ты понял?

— Так точно! — вскочил вечно сонный несчастный из второго взвода, сдвигая стол.

Сидели кучно, по трое-четверо за столом. Кто думал, кто украдкой прикрывал глаза, кто даже и заучивал написанное на плакатах. Когда Цебух развешивал всё это многообразие автомобилей, кранов и прочего, никогда ранее не виданного, каждый из курсантов в душе позавидовал Советской Армии, вооружённой таким богатством, с которым самый большой труд — это нажатие кнопки. Они же за несколько недель успели без инструментов и почти без цемента окружить часть двухметровым забором («чтобы вваг не пвошёл», как сказал Петин), а также отрыть пятидесятиметровую траншею под кабель, используя один лом, напоминавший букву ж, и шесть лопат, очевидно, оставленных солдатам восьмидесятых сапёрами русско-японской войны начала века.

— Нэ спать, нэдоноски, — Цебух шарахнул рейкой по двум головам.

Вошёл дежурный по роте Терещук.

— Не понял! — открыл он рот, словно был на сцене театра.

Кто-то нерешительно крикнул: «Встать, смирно».

— Не понял! — загудел Цебух. — Или у помещении нэт сержанта?

— Вы что, меня не уважаете? — гнул своё Терещук. — Ну-ка встать! Вошёл старший по званию!

— Пошёл ты на хер, — ответил ему Цебух. — Тоже мнэ, старший по званию. А вы, бараны, почему повскакивали?

Терещук был явно в игривом настроении. Он подмигнул приятелю:

— Грибанин, ты почему не встал, когда вошёл твой замкомвзвод?

— Да вин же спыт, — охотно подсказал Цебух, тоже настраиваясь поразвлекаться.

— Спишь, сука? — нежно-ядовито удивился Терещук.

— Я не сплю, товарищ сержант, — неуклюжая фигура с дыневидным лицом тяжело поднялась с места.

— Может, ты в наряд хочешь со мной, а? — Терещук подошёл вплотную и, изобразив в лице дурость, глядел на духа.

— Никак нет.

— Что? Не хочешь в наряд? Не хочешь служить горячо любимой Родине?... Ты чего, сука? Плачешь что ли?

— Плачэ?

— А ну, пошёл на хер в умывальник! И не ной, падла, никто тебя не убивает.

Курсанты опасливо замерли. Пока объектом шуток был Грибанин, можно было сидеть спокойно и даже улыбаться, глядя на запуганного сослуживца. Но сейчас Терещук мог прикопаться к любому. Так и получилось. Узнав, чем занимается рота, он приказал учить хором. Сам же ходил по классу, выискивая своими въедливыми глазками тех, кто говорил тихо. Таких было много: не всякий мог разглядеть полустёршиеся буквы, даже из сидевших впереди. Удары сыпались один за другим.

Миха сидел в глубине класса и, ничего не видя, старательно открывал рот и мычал, наблюдая в то же время за Терещуком и ассистировавшим ему Цебухом. Дальше всё произошло в считанные не секунды даже, а мгновения: парень, кажется, из третьего взвода, невысокий, но крепко сложенный, вскочил с места и набросился на Цебуха, вlepившего ему по голове. Два... три точных удара, и всё: Терещук метнулся к бунтовщику и вытолкнул его из класса. Цебух, растерянный, всклокоченный, с красными пятнами на лице, тоже поспешил выйти. Вокруг зашушукались.

— Дурак... что толку... надо терпеть...

— Он боксёр...

— Теперь дадут оторваться бедняге...

«Да... — размышлял Михаил, — герой, конечно... Но глупо. Сейчас отобьют почки, и на всю жизнь урод. Жаловаться в этой стране некому, да и вообще, со света сживут. Вон Меньшакова ротный под суд не отдал — ещё присягу не приняли — зато бессменно стоит в наряде по роте... Эх, куда не денешься с подводной лодки...».

Двадцать пятого, в воскресенье, произошло наконец то, чего давно ожидали. Накануне ротный приказал отобрать восемь человек для отправки в другие войсковые части. «Пятый взвод» должен был исчезнуть. Полдня сержанты перемежали обычные маты с новой угрозой: «Хочешь в войска?» Странно, но при всей дикости обстановки и взаимоотношений никто не хотел покидать эту роту. То ли привычка влияла, то ли мало хорошего ждали от нового места. Сами сержанты постоянно хвалили свою часть и уверяли, что в соседних молодые беспрерывно вешаются, не выдерживая службы. Это мнение передалось и курсантам. Да, плохое, но привычное часто предпочитают, может, и лучшему, но неизвестному...

В первую группу отправляемых вошли в основном лишние, прибывшие после деления по взводам. Лишь Шпенёнок включил туда Меньшакова, который демонстративно показывал всем свою радость, оставив, наконец, тумбочку, а также того, кто посмел бить младшего сержанта Цебуха. Терещук несколько раз пугал Грибанина, но всё же пока оставил его.

Утром разрешили посмотреть телевизор, передачу «Служу Советскому Союзу», которую Михаил про себя окрестил «Служу в Таманской дивизии», и разогнали по мелким работам. Михе поручили отремонтировать штук пять разнообразных плакатов и стендов, и он целый день спокойно провёл в небольшом закутке за спальным расположением. Правда, пришлось сбегать за кочегарку, где среди всякого хлама валялись ящики; с них Михаил надёргал гвоздей для своей работы. Вместо молотка, Петин дал ему деревяшку, когда-то бывшую ножкой стула. Сидя на табуретке, Михаил постукивал ею и с интересом разглядывал боевую технику на стенде «Импе-

риализм — наш потенциальный противник». Неподалёку двое уныло дёргали «машку», ещё несколько человек приводили в порядок тумбочки. Дневальный мыл коридор методом «делать вид»: болтал с напарником, стоящим у тумбочки, и, лишь появлялся сержант, принимался резво орудовать шваброй. Делала вид, что приводит ленкомнату в порядок и большая часть второго взвода. Этажом выше бренчала гитара, иногда оттуда доносился дружный смех.

После обеда Крусавин ушёл с группой выбывающих на вокзал, а курсанты разбрелись по прежним рабочим местам. Когда начало темнеть, и приблизилось время ужина, Миха сходил в умывальник и позвал за собой Митяя, который стоял там с тряпкой наизготовку. Они юркнули на вторую, закрытую лестницу казармы, называемую всеми «пожарной». Миха вытащил из кармана пачку «Астры» и, посмотрев на друга, улыбнулся: глаза у того увеличились размером с двух до пяти копеек.

— Откуда, Мих?!

— Ротный дал... как примерному солдату.

— Кроме шуток.

— Ладно, опер, допрос продолжим после полуночи. А пока кури...

Митяй жадно вытянул полсигареты и подумал про себя о том, что пачка была запечатанная. «Молодец Миха, со мной открыл».

Выкурили по одной, выглянули в расположение: всё спокойно. Закурили ещё. Митяй расслабился, опёрся о перила, лениво поглядел вверх — и вмиг почувствовал, как разряд холода пронзил всё тело от каблука сапог до кокарды на шапке: сверху спускался старшина. Обведя молодых пьяным взглядом, он молча стукнул обоих в челюсти.

— Ты кто?! — ткнул он пальцем Митяю в грудь.

— Курсант Митяев, товарищ старший сержант.

— Ты?!

— Курсант Кириллюк.

— Откуда курево?! В магазин бегали?!

— Никак нет. Бегал за кочегарку — гвозди нужны были для работы — и попросил у солдата две штуки.

— Что за солдат?! Как фамилия?!

— Не знаю, товарищ старший сержант, не наш, с артиллерийскими эмблемами.

— Врёшь, сука! Выворачивай карманы!

Миха показал: сигарет не было. То же проделал и Митяй. Старшина с ненавистью оглядел обоих.

— Где работаете?

— Наводим порядок в туалете, — опередил Миха открывшего было рот приятеля.

— Чтоб там всё блестело... идеальный порядок. Вперёд!

Друзья умчались и, лишь забежав в туалет, перевели дух.

— Влипли, — расстроился Митяй. — Он мстительный...

— Не переживай. Если б я сказал, что ремонтирую стенды, точно дал бы дерьмовую работу, а туалет — и так плохо.

— А если проверит?

— Ты видел, чтоб старшина шарахался пьяным?

— Нет.

— Я тоже. А пьёт через день. К счастью, сразу уходит спать.

— Да... Ну, дай Бог, чтобы пронесло...

— Главное, я пачку успел за батарею бросить. Пойду, спрячу получше.

Спустя месяц после начала службы Кириллюк и Митяев второй раз шли по улицам захолустного Вихрянска. Шли опять строем, опять с презрением рассматривали обшарпанные дома

с полусломанным-полусгнившим штакетником заборов — словно люди поселились в этих халупах временно, на два-три дня.

Старшина оказался удивительно злопамятным. Он вспомнил грех двух курсантов, когда Миха вновь попался ему на глаза через неделю. Кириллюка привёл к старшине скотина Цебух. Капрал нашёл во время утреннего осмотра в Михином кармане несколько спичек и, так как кроме военного, комсомольского билетов, расчёски, зеркала и последнего письма из дома солдату ничего носить в карманах не полагалось, приказал Михе съесть спички. Тот отказался. Цебух ласково улыбнулся и отвёл провинившегося на расправу старшине, справедливо полагая, что это будет хуже, чем использование своих кулаков. Старшина вспомнил курившего в казарме, тут же нашёл второго и включил обоих в последнюю группу отправляемых в войска.

Пришли на вокзал, небольшой деревянный дом грязно-зелёного цвета. Помимо гражданских людей, здесь уже находились ещё две группы солдат с других учебок: там, видно, тоже был перебор. Оглядевшись, Миха сразу обратил внимание на одного молодого солдата, лицо которого показалось знакомым, и кивнул на него Митяю. Оба держались рядом, но не только потому, что были друзьями. Щедрая учебка выдала отторгаемым по булке хлеба и банке рыбных консервов сухого пайка на двоих. Это спланивало отставных сапёров попарно. Свободней в этом отношении был Грибанин: беспарному, ему дали буханку на одного, а насчёт консервы посоветовали обратиться лично к министру обороны. Теперь Грибанин стоял неподалёку и победно заканчивал короткую схватку со своим пайком. Бедняга вылетел из учебки из-за того, что на утреннем построении не подчинился команде ротного «разойдись». Все разбежались по работам и занятиям, а Грибанин остался на месте: он спал. Спал стоя, и, когда тяжёлую голову уводило в сторону, делал короткий шаг, но глаз не открывал. С несчастным это случилось и раньше, потому старшина шутливо предложил ротному написать в книгу рекордов, но тот принял другое решение.

— ... Кажись, наш, бобринский, — ответил Митяй на немой вопрос друга, — только у него рода была...

— И у тебя рожа была в четыре кирпича. Знаешь его по имени?

Но земляк уже обратил внимание на наших приятелей, точнее, на хлеб в руках у Митяя.

— Здорово, Славка... В войска?

— Домой.

— Ха-ха, дом пока забудь. А помните, как бухали в поезде?

— Эй, куда ушёл?! — закричал смуглолицый сержант в красивой ушитой шинели.

Миха с Митяем переглянулись, посомневались и, отломив небольшой кусок хлеба, сунули земляку.

— Иди, иди скорее, не зли капрала.

— Спасибо, ребята, — поблагодарил тот не столько словами, сколько глазами, живо спрятал кусок в карман шинели и вернулся к своим.

— Господи, неужели так можно дойти за какой-то месяц...

— Да-а, — согласился Митяй, — значит, у них ещё похуже учебка.

— А ты не, какие у него эмблемы?

— Танки.

— Танки... Вот где, наверное, вешаются. Теперь я знаю адрес Бухенвальда... А за хлеб не переживай. У меня деньги есть. Где-нибудь пожуюм.

— Им ведь тоже, наверное, дали сухпай...

— Сожрали, небось, сразу...

Подошёл Шпенёнок.

— Так, все ко мне, курсанты... теперь уже солдаты. Везу я вас в Синегорск на пересылку.

Дальше другие вами будут заниматься. Если у кого есть бабли, давайте одному, я схожу с ним в магазин. Остальным никуда не отлучаться: здесь патруль.

— Давайте, парни, я схожу, — вызвался один, серьёзный, с интеллигентным лицом, на вид старше других, которого напарник по сухому пайку называл Романом.

Все согласились, а Митяй удивился: почти каждый достал рубль, три, пять. За двоих дал пятёрку и Миха. Впрочем, чему удивляться: за месяц службы рота дважды получала переводы и посылки, ну, а спрятать узкую бумажку в складках пэша не смог бы разве что полный дурак. И лишь Грибанин стоял сиротливо и разводил руками.

Роману начали давать советы, чего лучше купить. Высокий, с каким-то оспенным лицом Шутов, только вчера выписанный из санчасти, дёргал Романа за рукав и доверительно-льстиво повторял:

— Пирожков, пирожков побольше... Чтоб подешевле и побольше.

Через полчаса девятеро бывших сапёров тесно сидели в общем вагоне местного поезда и делили купленные продукты. Делили на четыре кучки. Грибанин старался не смотреть, но кадык на его шее то и дело исчезал и появлялся в такт проглатываемой слюне. К его радости, кое-что было не кратно четырём, и по предложению пары Роман Грахов — Пётр Анисимов Грибанин получил лишнее. Резко против высказался Шутов, не считавший лишнее лишним.

— А сержанту надо бы... — сказал кто-то, но Роман успокоил:

— Шпенёнок пошёл в вагон-ресторан.

Жевали, весело болтая, подшучивая пара над парой. Роман не выполнил пожелания Шутова и пирожков купил мало. Так что те, кто сильно пощипал свой хлеб, завидовали обстоятельным Роману и Петру, которые всё аккуратно порезали, разложили на боковом столике, нашли банку, в которую бросили варенья, и теперь мазали на хлеб овощную икру, смакуя и запивая «чаем».

Когда всё было уничтожено, Миха не почувствовал особой сытости. Словно раздвоенный на доброе и злое, он то и дело слышал шёпот плохой половины: «А не зря ли мы отдали земляку едва ли не треть булки хлеба?» Но это было мимолётно. Куда сильнее отложилось впечатление, которое произвёл на него несчастный знакомый, настолько худой, что казалось, он вдвое уменьшился в размерах. Особенно почерневшее лицо — то ли от холода, то ли от голодухи...

И всё ж теперь ни подлые, ни тяжёлые мысли надолго в голове не задерживались. Миха сидел у окна, глядел на мелькавшие кустики снегозаграждения, мелкие станции, переезды и чувствовал себя счастливым человеком.

— Даже не верится: день, а мы сидим спокойно, не надо скрести полы, умирать на заборе, — несколько протяжно и самодовольно проговорил Митяй, полный того же, уже забытого чувства покоя.

Миха промолчал, с каждой минутой чувствуя, что всё дальше отходит от кошмаров недавней жизни. К нему возвращались обычные шутливость, наблюдательность, страсть к шуму и проделкам — качества, которые вроде бы совсем были уничтожены изматывающим положением, когда изо дня в день не находилось ни минуты для того даже, чтобы поразмыслить о чём-нибудь своём. Днём в голове одно: хоть бы поскорее сделать... хоть бы поскорее в тепло... хоть бы поскорее в столовую... хоть бы поскорее ночь... А ночью, лишь касался затылок подушки, всё мигом проваливалось. И — никаких снов. Когда дневальный кричал «рота, подъём», все подскакивали с обидой: ведь только легли, не больше часа назад! Пять-шесть часов, иногда больше, иногда меньше, не давали отдыха ни нервам, ни измученному телу...

— Дембеля, хотите анекдот?

— Рассказывай, — согласился Роман.

Остальные лениво дремали. Грибанин давно посапывал на второй полке.

— ... До армии учился? — спросил Миха, посмешив соседа.

— О, два института до середины довёл! — Роман полупечально-полурадостно улыбнулся: он уже забыл гражданскую жизнь. — После армии в третий поступлю.

— Тогда тебе интеллектуальная загадка.

- Давай.
- Может ли управлять сложной военной техникой человек совсем без образования?
- Нет, конечно.
- Может! Человек, вооружённый марксистско-ленинской теорией!

Через пять часов приехали в Синегорск. Объединённая колонна всех учебок прошла какими-то закоулками по вечернему городу и оказалась в огромной конюшне пересыльного пункта. Здесь Шпенёнок пожелал своим удачи и, передав их документы кому следует, ушёл обратно на вокзал.

Размещались сиротливыми кучками ближе к отоплению. Митяй занял себе и куда-то исчезнувшему другу верхние места и начал устраиваться на ночлег. Внизу бурчал Шутов:

- Грибанин, пошёл на... отсюда. Не ложись рядом.
- Почему? Мы же вместе все должны...
- Я тебе ничего не должен.

Что-то зашуршало с другой стороны. Митяй повернул голову. Миха, заглядывая на верхние нары, манил его пальцем и негромко переговаривался с Романом. Митяй подвинулся ближе.

— Пошли, отсюда можно выходить, а неподалёку есть железнодорожная столовая. Солдат не прогонят.

Они вышли из здания, пересекли двор. Дежурный у ворот сказал только «вы ж вернитесь» и выпустил на улицу.

Рабочая слободка — бараки, мусорные кучи, сарай — видно, сохранилась неизменной ещё с царских времён. Непонятное переплетение дворов, тропинки в сугробах, заводящие в тупик, грязь и темень... Приятели блуждали минут сорок и, хотя спрашивали о столовой пять раз, нашли её с трудом.

Зал с двенадцатью столиками оказался почти пустым, зато выбор блюд четверым молодым солдатам, месяц не евшим досыта, показался просто шикарным. Миха и Митяй заставили весь свой стол тарелками и, решив потом купить ещё, расплатились и сели. Только взялись за ложки, как слащавый голос пропел: «Парни, приятного аппетита... Почём здесь борщ?.. А вкусный?.. А сколько стоит пюре?.. А компот?» Шутов минуты две не давал Митяю приступить к еде. Миха не отвечал. За него говорило выражение лица. Однако Шутов не замечал или делал вид, что не замечает презрительного отношения к себе. «Так, парни, у вас двадцать копеек не найдётся?..» Миха молча выгреб мелочь и положил не в протянутую руку, а на стол.

Между тем Роман и Пётр устроились неподалёку, доброжелательно поблагодарив Миху за то, что посодействовал их ужину.

— Чёрт, сказал только им, а этот шут унюхал. Уж лучше бы Грибанин увязался за нами, — пробурчал тот.

Впрочем, по мере насыщения настроение у всех пятерых становилось всё добродушнее. Миха с Митяем, на удивление, быстро наелись. Очевидно, их желудки сильно уменьшились в объёме за последнее время. То же было и у другой неразлучной пары. Шутов же зорко приметил две нетронутые тарелки с картошкой и два компота и подскочил к соседям:

- Наелись? Ну, давайте, я съем. Не пропадать же, раз уплачено.
- Конечно, бери, — уже без раздражения в голосе согласился Миха.

Он тяжело поднялся, нащупывая сигареты во внутреннем кармане пэша. Митяй лихо поднял стопку тарелок и отнёс к окошку. На выходе до них донеслось:

- Покурите пока, я мигом...

Миха ответил что-то утвердительное, но едва вышли, сказал:

- Пойдём, а то меня от этого Шутова вырвет. Опять придётся жрать.

Возвращались, не торопясь. Да и чего спешить: впереди целая ночь спокойного сна плюс дремали в поезде.

— А ты, Митяй, не любопытный... Терпеть не могу любопытных... — сказал Миха, когда прошли половину пути. — Сигареты... те, из-за которых мы здесь, мне купил один солдат, узбек ли, казах — не разбираюсь. Я ходил за нашу кочегарку гвоздей надёргать с ящиков, ну, и попросил купить. Не знаю, чего он там околачивался... Говорил, год прослужил. Купил две пачки за свои, а я ему, когда ещё раз туда побежал, дал два рубля. Курить-то охота...

— Да я знал, конечно, что ты шутишь. Только подумал, ты сам в магазин смотался.

— Куда там... Если б в шинели... Жалеешь, что выперли с сапёрной?

— Не знаю... Смотря какая будет новая часть. С одной стороны, вроде привыкать стал... Опять же лычки сержантские светили через полгода...

— А с другой?

— С другой — ещё недельку такой жизни, и я точно бы заболел от постоянных недосыпаний... И постоянно над тобой кто-то стоит, как надсмотрщик, целый день.

— Да... Ну, что было, то было. Может, на новом месте повезёт... Во, — Миха вытянул руку, — смотри: дорога. И в ту сторону. Пошли по ней. Лучше, чем по закоулкам спотыкаться.

— Пошли.

— Митяй? — возобновил разговор Миха через пару минут. — А ты в Афган хочешь?

— Когда шёл в армию, хотел. В Афган или хотя бы в десантуру... Как и все. А сейчас смотрю, как трудно на простой службе, где не стреляют, и думаю: выдержу ли там, где война... Хотя, конечно, хочется, чтоб служба была интересной...

— Да, приятно вернуться домой с орденом... — Миха заговорил тихо, задумчиво, словно сам с собой. — А то два года потратишь на наведение «идеального порядка», и нечего будет вспомнить... Как пообвыкну на новом месте, буду писать рапорт, может, пошлют туда...

— Я тоже тогда... Попробуем вместе.

— Ну ладно, давай, я лучше расскажу тебе, как продал свою гитару и откуда у меня деньги.

— Кому ты её мог продать?

— Спишь, Митяй, крепко. Тогда, когда ночевал на полу перед утренним распределением, только ты засопел, солдаты начали нас подымать. Хотели собрать денег. Их четверо, ну, а нас поднялось человек тридцать, да спящих начали будить. Они шуганулись. Подозвали меня и стали выпрашивать гитару. Всё равно, говорят, у тебя её отберут да ещё заставят по ночам играть...

— Как Бугулюн.

— Точно... Ну, я им: купите. Короче, базарили, базарили... Наши пацаны не ложатся, поддерживают меня. Представляешь, купили, за пятнадцать рублей! Я, конечно, больше просил, но и то неплохо. В сапёрной её у меня даром бы отняли.

— Конечно... А как ты башли сохранил?

— Э, бумажную деньгу нетрудно спрятать, я тебе потом покажу... Ну, кажется, пришли. Держи по последней сигарете. Дай Бог, завтра купим. Покурим — и спать.

...«Хорошо засыпать сытым и знать, что впереди ещё семь-восемь часов сна и никаких „сорок пять секунд подъём“ утром, равно как и зарядки, не будет. Каждый день бы, наверное, спал в одежде, — думал Митяй, — лишь бы утром не натягивать её сломя голову, а потом бежать на зарядку со сбившимися в комок портянками». Он улыбнулся в темноте и пожалел храпевшего внизу Грибанина. Наверняка, бедняге снилась жратва. Надо было ему хлеба принести из столовой... И земляку тоже. Где-то здесь он, среди этих длинных рядов нар... Ладно, хоть отоспятя, и то хорошо...

— Миха, спишь?

— Нет покедова.

— Соври какой-нибудь анекдот, — Митяй расслабленно в потолок. — Ты их до фига знаешь.

— Длинный расскажу, не уснёшь?

— Рассказывай.

— Заяц призвали в армию. Ротный — волк. Замполит — волк. Комбат вообще медведь. Зверьё, короче. Стоит косою на тумбочке. Ротный идёт мимо: «Почему в шапке?» Бух по голове. Заяц шапку в тумбочку. Замполит идёт мимо: «Почему без шапки?» Бух по голове. И так каждый день. Придираются, со света сживают... Заяц — к комбату. Так мол и так, защитите, нет сил терпеть. Медведь вызывает волков. «Ну, что же вы? Если решили задрочить, то — по уставу, чтоб повод был. Например, дайте невыполнимое задание. Не сделает — накажите». Ну, те: «Добро, товарищ медведь». А заяц-длинные уши всё подслушал, на ус намотал. На следующий день вызывают его волки в каптёрку. «Заяц, принеси-ка нам яблоко, десять минут тебе!» Заяц умчался, а они думают: «Принесёт маленькое, скажем, что хотели большое. Принесёт красное, скажем, что хотели жёлтое. Всё равно оттырим».

— Эт точно, — согласился Митяй словно сам себе и тут же спохватился. — Рассказывай, рассказывай.

— Через десять минут заяц входит с подносом яблок и говорит: «Вам какое? Большое, маленькое? Красное, жёлтое, зелёное? С листочком, без листочка?..» Ротный встаёт: «Почему в шапке?» Бух по голове.

На следующий день бывших курсантов вихрянских учебок снова посадили в поезд и повезли в областной центр. Три часа езды, потом по разным машинам, и через двадцать минут в кузове Кириллюк и Митяев оказались в новой части. Кругом очищенный от снега асфальт, по линии посаженные деревья, чистота. Последнее радовало мало: чисто, значит, солдаты ежедневно вкалывают на морозе с лопатами и вениками.

До вечера простояли у штаба. К счастью, день был солнечный, умеренно холодный. Когда стемнело, молодых разделили на три группы и повели к казармам. Вся сапёрная учебка оказалась в одной группе.

Первое впечатление от новой казармы — холод, который ощущался даже через шинель. Здесь был размещён целый пехотный батальон, и широкий коридор — как двухполосная дорога, — умывальник, спальные расположения были заполнены разношёрстным народом. Миха, никогда не выдавший столько наций, почувствовал себя как среди строителей Вавилонской башни после смешения языков.

Вновь прибывшие — девять сапёров и пятнадцать человек из мотострелковой учебки — сиротливой кучкой встали у двери с надписью «штаб». Про них словно забыли. Мимо сновали солдаты: одни шли вразвалку, громко кричали, другие передвигались исключительно бегом, прижимаясь к стенам. Разговоры, крики — на десятках языков.

Через несколько минут мотострелков по двое, по трое начали куда-то уводить. Возвращались они, ничего не рассказывая, но по лицам было видно — некоторым доставалось. Дошла очередь и до бывших сапёров. Какое-то жутко худое, с истрёпанной одежде чучело, отдалённо напоминающее советского солдата и комсомольца, подошло к ним и сказало Михе и Роману: «Сходите в умывальник. Дедушки вас зовут... Потом — вы двое...»

— Пойдём? — спросил Миха приятеля.

— Пойдём. Всё равно никуда не денешься. Нам же здесь ночевать...

В умывальнике, на подоконнике, сидели трое, ещё один стоял рядом, курил и рассказывал сослуживцам что-то весёлое. К ним и подвёл посыльный Миху и Романа.

— Откуда будете, бродяги? — спросил сидевший справа, на вид русский, с рыжим лицом, рыжими волосами и подчёркнуто строгим выражением глаз.

— Из Вихрянска, — ответил Роман, — с сапёрной учебки.

— Ну, и сколько же вы прослужили? — продолжил другой.

Подшли ещё несколько любопытных, но обитатели подоконника некоторых прогнали. Какой-то старослужащий, вытирая махровым полотенцем крепкое, упитанное тело, пошутил:

— Только с поезда?

— Да, — сказал Миха, считая, что в любом случае он ответил правильно: и если имелось в виду, что они недавно из дома, и если — что только с вокзала.

— Ну, и как там, в учебке? Сержанты издеваются?

— Да так себе. Привыкаешь со временем...

— Ничего, — снова заговорил рыжий, — здесь жизнь, как у мамы: можно опухать.

— Но очень осторожно.

Оба духа молча выслушивали шутки, в которых, впрочем, проскальзывал холодок, вежливо улыбаясь.

Их обыскали. У Романа нашли три рубля, и рыжий оставил себе фотографию его девушки, сказал: «Всё равно она уже блядует». У Михи забрали ручку и начатую пачку папирос. Затем им объяснили, что они должны «тащить службу» тихо, мирно, на рыпаясь, и что только таким способом можно дожить до возвращения домой. Проинструктировав, отпустили. Когда подошли к своим, Миха заметил, что возле Митяя стоит какой-то смуглый солдат с большим носом. Донеслись обрывки их разговора:

— ... Русский, хохол, узбек?

— Русский! — ответил Митяй, и собеседник, строго посмотрев на него, отошёл.

— Чего он, Митяй?

— Да вот, у Грибанина карманы обыскал и у Петра тоже. Ну, а там что?

— Так, весёлая беседа. Остался без курева.

Митяй с Грибаниным отправились в умывальник, а к Михе подошли двое, по виду и манерам старослужащие.

— Какой размер шинель? — спросил один.

— Сорок восьмой.

Посоветовавшись между собой на непонятном языке, они предложили:

— Давай меняемся? Мы тебе даём такой же шинель, но немного старый.

Миха покачал головой.

— Ты что, шибко опухший? К тебе нормально обращаемся...

— Вам сейчас выдают бушлаты. Шинель не пригодятся, — добавил другой.

— Выдадут так выдадут, — ответил Миха, — но я в чём приехал, в том и буду ходить.

— Ну, ты сука... Тебе здесь жить...

Миха промолчал. В это время из штаба вышел офицер и потребовал, чтобы новички построились. Миха сбегал в умывальник за своими и успел заметить у Грибанина что-то похожее на синяк. Офицер вызвал старшин и разделил им бывших курсантов по своей бумажке. Грибанин, Головкин, Кириллюк, Митяев, Петрянин, Шутов были определены в первую роту. Служба продолжалась.

Глава 2

Ночь прошла спокойно. Утром, в половине седьмого, дневальный хрипло прокричал о подъёме, но никто не заставлял молодых одеваться за сорок пять секунд. Сержанты произносили привычное «наводим идеальный порядок», однако больше заботились о том, чтобы успеть до построения умыться, как впрочем, и все в этой роте. Новенькие же, привыкшие ходить в умывальник по команде, на завтрак отправились с сонными глазами.

Столовая поразила своими размерами — не меньше стадиона — и собачьим холодом. Прочие впечатления были у каждого свои. Миха, лишь увидев, как напряглись лица у сидевших рядом, когда все выполнили команду «батальон, садись», понял, что жратва здесь так просто не достаётся. Сориентировавшись же, он ловко наложил себе каши сразу после двух сержантов и какого-то старослужащего и, передав им масло, взял кусочек себе. Пяток волчьих взглядов был оценкой его действиям. Сидевший за соседним столом Митяй остался без масла и без кружки для чая: посуды не хватало. Шутов не успел схватить хлеб и начал клянчить, но если у кого и был второй кусок, то лежал под столом на коленях. Хуже всего пришлось Грибанину: тоскливо озираясь, он сжевал свой хлеб и, лишь выпросил чашку, раздалась команда: «Встать! Выходи строиться!» Невелики успехи в борьбе за пайку были и у Петрянина с Головки. Они сели за один стол со старшиной и большинством старослужащих, съели много пшённой каши, но «неположенные по сроку службы» масло, сахар и чай проплыли мимо молодых.

После завтрака молодёжь навела ещё один, более идеальный, чем предыдущий, порядок в спальном расположении, а затем по приказу командира роты расселась в ленкомнате для изучения текста присяги. Дневальный прокричал: «Строиться на развод!», и в коридоре постепенно стихло: построение батальона происходило на площадке перед казармой.

«Четырнадцать духов», — сосчитал Миха. Все сидели, изображая чтение клятвы на стене. Грибанин делал вид, что не спит, Головки с Петряниным испуганно разглядывали небольшой стенд «Будь бдителен! Враг рядом! До границы 800 метров». Миха быстрее других новеньких поняв, что особого контроля за ними нет, повторил на всякий случай выученную ещё в учебке присягу Родине и партии и обернулся к молодым из прибывших ранее.

— Ну, как тут жизнь?

— Как с ними ладите? — спросил и Митяй, кивнув на нерусских.

— Всё как в армии... Меня Николаем зовут...

— Миха.

— Слава.

— А этих лучше не трогать. Вон у того, что балабонит, не все дома...

— Дурак что ли? — удивился Митяй.

— Хуже. Ему старшина дал прозвище Душман.

— В столовой постоянно так? — Миха перешёл с шёпота на полный голос: всё равно четверо смуглолицых на соседнем ряду начали шумно обсуждать что-то своё, переходя на крик и перебивая друг друга.

— Старослужащие всё съедают: дедушки, фазаны и черепа.

— И сержанты, — прибавил сосед Николая. — А вас из учебки почему перевели сюда.

— Перебор, — Миха пристально посмотрел на любопытного. — А ты откуда родом?

— Встать! Смирно!

Все подскочили и уставились на высокого черноволосого солдата. Тот закатился смехом:

— Правильно, духи. Я полтора год уже прослужил, надо вставать, когда вхожу.

Двое сидевших у двери, увидев, что перед ними не сержант, сразу сели.

— Это чечены, — прошептал Николай соседям.

Сели и остальные. Самозванец полистал подшивку газет, останавливая внимание на фотографиях, и вышел.

— А я родом из Чувашии... Степан. Знаешь, где это?

— Знаю, у нас в школе была карта...

«Удивительно, — подумал Миха про себя, пока его приятель поддерживал разговор с новыми знакомыми, — вроде бы и русский, а что-то есть такое... Чуваш. Никогда и не видел их... Хотя в нациях начну разбираться».

Митяй стал было в розовых тонах расписывать жизнь в учебной сапёрной роте, но Миха пристыдил его.

— Имей совесть. Там бы ты сейчас умирал на угле или на траншее, а здесь уже полчаса сидим спокойно.

— Здесь тоже работы хватает, — заметил чуваш. — Водители работают в парке боевой техники, другие на всяких работах. Даже в город попасть можно на работу...

В эту минуту сидевший в среднем ряду Шутов спросил что-то у смуглых соседей и получил резкую оплеуху от Душмана. Русские промолчали, остальные захохотали. Смеялся и Головкин, пока не получил от Шутова толчок. Они едва не подрались. Так прошло знакомство бывших сапёров с новой ротой.

...Работы на морозе, действительно, хватало и здесь. Почти весь день шестого декабря, второй день, прожитый в Голопольске, Миха и Митяй провели за отопгреванием и отдалбливанием земли: в целях укрепления обороноспособности части было решено вырыть вдоль центральной аллеи прямоугольные ямы. Ватная одежда и костры более-менее согревали; кроме того по очереди ходили греться в казарму. За работой новенькие узнали, что они попали служить в пехоту, в первую роту второго батальона, что эта войсковая часть — укреплённый район (УР) — охраняет границу, что передвигаться по территории части нужно только строем и всегда отдавать офицерам честь. Ближайшим событием личной жизни для новобранцев должно было стать принятие присяги через несколько дней.

Вскоре произошло первое столкновение с азиатскими сослуживцами и у Михи. За обедом он вновь словчил, за что получил от Душмана кружкой по голове. Ответным действием было торжественное одевание чашки с супом на голову. Противников быстро уgomонили и сделали строгое внушение. Вообще, как-то сразу произошло так, что Душман (Мирзоев) сплотил вокруг себя троих земляков из молодых, и вся четвёрка постоянно кидалась то на одного, то на другого духа из русских. И не зная тюркских языков, можно было понять, что старослужащие их подзадоривают. Осёкшись на Михе, Душман успел за день разбить лицо трусливому Петрянину и несколько раз пнуть Грибанина. Шутов вздумал было заигрывать с задирой, но, на его несчастье, тот плохо понимал по-русски и любое обращение к себе не на родном таджикском языке воспринимал как оскорбление. Особняком держались ещё двое новобранцев первой роты, которых Колька Шашков назвал «чеченами»: чеченец Чабаетов и Арасов из Дагестана.

...Рота занималась ямами до ночи. На каждый «объект» приходилось по двое-трое молодых и столько же солдат старших сроков службы. На вооружении каждой группы состояли погнутый лом и древняя БСЛ-110 ЧБТ (большая сапёрная лопата), инструмент, судя по всему списанный местными пионерами по причине негодности в металлолом. Если днём возле ям ещё вертелись закреплённые старослужащие и сержанты, показывавшие иногда «щеглам», как нужно работать, то после ужина молодым была предоставлена возможность совершать подвиг на благо Родины самостоятельно.

Миха и Митяй попали на одну яму. Поначалу с ними работал Мурат Курбанов, но он явно отлынивал и очень обрадовал напарников, когда вообще ушёл к землякам. На соседнем объекте копошились, матеря друг друга Шутов и Головкин, дальше — остальные. Душман и его друзья работали активнее всех: лишь ушли сержанты, как компания отобрала более глубокую

яму у соседей, потом поменялась обратно, а потом вообще ушла греться в приёмную санчасти, что располагалась рядом со штабом УРа.

Часов около одиннадцати в батальоне прошла вечерняя поверка — к всеобщей радости, в помещении казармы. Молодых первой роты пока поставили отдельно, на левом фланге.

Вообще, батальон, едва вместившийся на первом этаже, представлял собой внушительное явление: две с лишним сотни солдат, кричавших «я» на самый разный манер и тембр, и — перед каждой ротой — старшина: высокий, крепкий, в словно на заказ сшитой форме. «Такой толпе враг не страшен», — подумал Митяй, осторожно озираясь и ощущая что-то вроде гордости от сопричастности к этой грозной силе. В голове его друга и земляка, стоявшего справа, промелькнула более практичная мысль: «Хорошо, что много народу: легче затеряться».

После поверки какой-то офицер радостно объявил первой роте, что злополучные прямоугольники вдоль центральной аллеи к утру должны быть закончены. Цифра один метр в глубину повергла копателей в уныние, словно им приказали добраться до центра Земли. Из старослужащих одни пошли спать, другие, одев тёплую одежду и приняв рабочий вид, направились в кочегарку и другие места к землякам; старшина же перепоручил общее командование младшему сержанту с сутуловатой фигурой, широким лицом и какими-то угловатыми манерами по фамилии Зайцев, а сам скрылся в каптёрке, забрав туда Кольку Шашкова.

Вновь пришлось облачаться в тёплую одежду: в бушлаты, подбушлатники, ватные штаны, валенки. Особенно медленно одевался Зайцев, явно недовольный назначением. Он раздражённо покрикивал на молодых и отвёл их на работу строем. «Все по своим местам. Быстро находим дрова, отогреваем землю, затем отогретое убираем ломом и лопатами. Как только сделали один метр, идём спать... Так, если что — я на КПП. Ямы меряйте лопатами, их черенки — сто десять сантиметров».

Зайцев ушёл в одну сторону, а «чечены» и группа Мирзоева отправились по направлению к казарме. Однако через пару минут все они резво вернулись и застучали ломом.

— Наверное, прочитали лозунг «Защита Родины — священная обязанность гражданина СССР», — сказал Миха.

— Или напоролись на старшину, — прозаично предположил его друг.

— Вечно ты всё опошлишь, курсант Митяев...

— Рядовой. Теперь рядовой, а не курсант. Учебку закончили.

— Да, сапёрами уже стали, теперь ещё армию осталось по-быстрому закончить...

— Что с ямой-то делать будем? — спросил Митяй, измерив глубину и не удовлетворившись результатом.

— Оставим в покое, пусть спит.

— А как же один метр?

— Ты думаешь, кто-нибудь выполнит? У нас даже больше, чем у этих олухов, — Миха показал на соседей. — Но если ты горишь желанием потрудиться на оборону, я так и быть, уступлю тебе этот агрегат.

Миха протянул лом. Митяй быстро стукнул раз двадцать, но, увидев, что выдолбил лишь горсточку глины, остановился.

— Свинья этот Зайцев. «Отогреваем дровами!» А по всей части ни щепки. Попробовал бы сам помахать. Знал бы, не пошёл в эту армию...

— Да, таким двоичникам, как ты, нельзя доверять грозное оружие...

— Это ты называешь грозным оружием? — Митяй отшвырнул лом и начал стучать ногой об ногу: валенки уже капитулировали перед морозом.

— Ладно, дружище, я не зря предложил тебе держаться вместе. Выручу твои нежные ноги, которые до этого знали лишь золотой песок Ямайки. Заодно и посчитаюсь с этими чмырями Грибаниным, Петряниным, Шутовым и Петровым.

— Да, они пугаются урюков. Сегодня...

— Они сами хуже урюков. Я сказал: держимся вместе против Душмана. Не хотите — как хотите. Я о себе всегда позабочусь сам... Будь здесь, я сейчас.

Не успел Митяй сделать короткую гимнастику, чтобы разогреться, как Миха вернулся в сопровождении тех, кому он хотел отомстить за трусость, а также Петьки Головки.

— Значит так, чурки смотались, но им хуже. А мы в соответствии с последним указанием сержанта Зайцева выкапываем эту первую яму и идём спать.

Митяй не успел ещё ничего сообразить, как помощники накинудись на работу. Под шумок Миха шепнул ему: «Молчи. Пусть пашут». Вшестером (Головки, словно о чём-то догадываясь, больше стоял без дела), они довели яму до метровой глубины минут за сорок. После этого Миха привёл сержанта, показал результат своей с Митяевым работы, и Зайцев отвёл их двоих в казарму. Уставшие и замёрзшие простофили не сумели даже доказать, что произошёл обман. Зайцев не стал их слушать, считая, что они просто «рубят колоду».

Зайдя в туалет перед сном, Миха и Митяй увидели в умывальнике одинокую фигуру Флюзина из их роты, того самого, что зазывал сюда бывших курсантов в день их приезда. Флюзин стирал пэша, хотя был в форме.

На третий день после прибытия вихрянских курсантов во второй батальон командир роты капитан Швердякин распределил их по взводам и отделениям, и на ближайших политзанятиях личный состав первой роты сидел уже повзводно. Сержанты ушли политически совершенствоваться в канцелярию ротного, бывшую одновременно каптёркой.

Замполит появился с опозданием. Это был невысокий полный человек с умными и хитроватыми глазками и незаметной походкой. Он тихо вошёл в ленкомнату и сделал уже шагов пять, когда, наконец, раздалась команда «смирно» и рота встала. Остановившись перед средним рядом, замполит улыбнулся, добродушно сделал замечание одному солдату, который лишь слегка приподнялся («Котэ-э, поднимись»), и, услышав «чо, тарщ литинан, я уже полтора год прослужил», сказал:

— Так, у нас появилось много новеньких, целых шесть... Да было восемь, итого пятнадцать... — он улыбнулся своей шутке. — Для вновь прибывших представляю: заместитель командира роты по политической части лейтенант Филиппченко... Можете обращаться ко мне по всем личным вопросам. Са-адись!»

Лейтенант раскрыл свою папку и начал читать лекцию по теме «Боевое братство Вооружённых Сил стран социалистического содружества». В комнате царил атмосфера непринуждённости. Старослужащие негромко болтали, но на замечания замполита реагировали; он же заботился лишь о том, чтобы все записывали главное. Только один — Рашидов — не писал, сославшись на незнание букв, но Колька Шашков шепнул Мике, что это дед и поэтому «косит». Новеньким выдали чистые общие тетради и ручки.

«...братское сотрудничество армий стран социалистического содружества крепится на прочной основе братского сотрудничества коммунистических партий этих стран», — красиво выводил Миха на первой странице и думал о том, что нужно всегда садиться на этом месте: рядом тёплая батарея. Служба в пехоте ему начинала нравиться.

В перерыве между двумя часами политзанятий в ленкомнате остались только духи, да и то не все: пришли сержанты и взяли от каждого взвода по одному человеку наводить дополнительный — идеальнейший — порядок в спальном расположении. Миха и Колька остались на своих местах: от их взвода убираться пошёл Петрянин. Казах Оскомбаев, замкомвзвод второго взвода, послал Митяя. Здесь не обошлось без конфликта. Митяй слегка возмущился, что, мол, и перед завтраком он больше всех убирался, и Мирзоев с Чабаявым едва не накинудись на него с кулаками. Миха приподнялся со своего места, и Душман зло спросил:

— Что?! Русский русский защищай?! Я тебя в...!

— Я тебя сам, — спокойно ответил Миха, после чего встал и Шашков.

— Рядовые Митяев и Мирзоев, оба в расположение бегом марш! — прервал спор сержант.

У Зайцева, командира отделения в третьем взводе, всё обошлось спокойнее. Он назначил молодого казаха Наульбегова, и тот, заматерившись по-своему, убежал из ленкомнаты. «Землякам жаловаться пошёл, урюк, — с неудовольствием, но спокойно прокомментировал Зайцев. — Петров, иди... только натри полы и поправь постели».

Чабаев встал, пересел на первый ряд к земляку Арасову и сказал так, чтобы слышал выходящий Зайцев: «Урюк назвал другого урюком». Сержант не обернулся, но спина его дрогнула.

— Разве Зайцев нерусский? — спросил Миха.

— Твой земляк из тундры! Ха-ха-ха!

Миха промолчал, решив, что одного конфликта, с Душманом, ему на сегодня хватит.

— Много у вас в роте дедов? — тихо спросил он Шашкова.

— Да я сам ещё не всех знаю, — ответил тот, наклоняясь к столу, чтобы никто не слышал их разговора. — Мы здесь только две недели после карантина. А в карантине у нас был сержантом Тюлебеков, замок третьего взвода. Он — дед. Остальные сержанты, наверное, черепа, только из учебки. А вот Винокуров и Памфилов — одного призыва и корефаны, они по году прослужили.

— Винокуров — наш замок?

— Да, первого взвода, и он же за старшину. Вообще-то есть прапор, Цезарев, но он редко бывает в роте... Дальше: ара Аракелян — не знаю, то ли черпак, то ли фазан...

В эту минуту в ленкомнату вошёл Мирзоев, помахивая намотанным на руку ремнём. Он что-то сказал Курбанову, и тот встал у двери. «На шухере», — смекнул Миха и на всякий случай поднялся, делая вид, что заинтересовался газетами, которые по приказу замполита перекладывал в углу комнаты Грибанин.

— Ты моя знаешь? — Душман остановился, широко расставив ноги.

— Доселе не созерцал, — Миха специально ответил непонятно.

— А?.. Ты моя знаешь, су-ука?! Я тебе знаешь, что сделаешь?.. — следующие фразы были не по-русски.

— Я тебе то же самое и на более высоком уровне...

Душман вскрикнул и начал бить ремнём, очень быстро взмахивая рукой. Миха минуты две пытался поймать ремень, но это не удавалось. Тогда он ударил ногой. Душман немного отпрянул. Лицо его перекосилось от злобы, ноздри расширились, с шумом втягивая воздух. Он готов был ещё раз накинуться на врага, но тут вошёл Рашидов. Курбанов что-то сказал земляку.

— Душман, пошёл вон!.. Ничего! Хочешь драться — так, чтобы никто не видел! Замполит зайдёт — и тюрьма!.. А ты что, щегол — наглый, да? — обратился Рашидов к Михе.

— Он на меня кинулся. Я защищался.

— «Кинулся»... Будешь з... — будешь чмо, понял?

Миха уже сидел на месте: с дедом лучше не спорить. Он сильно досадовал, что оставил столько ударов без ответа.

— Чуркам можно наглеть, а русским нельзя, — сочувственно прошептал Колька.

Через два дня всё молодое пополнение батальона свозили на стрельбище километрах в пятнадцати от города. Там они пальнули из автоматов, мало заботясь о точности — не успели бы закоренеть пальцы — и теперь полностью приготовились к принятию присяги. Торжество было намечено на ближайшие дни. Замполит Филиппченко объявил, что желающие могут «выписать» на присягу родителей. Но среди молодых первой роты не оказалось ни одного, чей дом находился хотя бы в соседней области.

Всю дорогу на стрельбище Душман косился на Миху и грозил ему на двух языках. А во время стрельбы Миху сумел незаметно от офицеров направить на Мирзоева автомат, правда, незаряженный, чем заставил смуглого врага побледнеть. Отношения налаживались.

Ясным морозным утром десятого декабря батальоны и отдельные роты выходили на огромный плац: молодое пополнение каждого подразделения должно было присягнуть на верность партии и правительству.

В этой части света зима давно вступила в полные права: проморозила землю, реки и деревья так, что стволы трещали по ночам, застелила всё вокруг уже третьим слоем снега и раскалила воздух холодом настолько, что приходилось прикрывать нос рукавицей, чтобы не повредить стужей лёгкие. Но солдат мороза не боится. Доблестные батальоны, возглавляемые комбатами, встали спиной к городу, лицом к кирпичной трибуне и, услышав «смирно», замерли. Торжественное вступление однако быстро скомкалось из-за сильного холода, и вскоре ротные и замполиты уже принимали присягу, построив новобранцев перед строем своих подразделений. Четырнадцать молодых первой роты встали по двое. Митяй попытался вызвать у себя праздничное настроение, соответствующее важному моменту в жизни, но сзади заворчал Размадзе: «Быстро, духи, быстро. Я замерзать должен?» и помешал сосредоточиться.

— Рядовой Арасов! — крикнул ротный.

— Я!

— Рядовой Головкич! — скомандовал замполит.

— Я!

— Для принятия присяги выйти из строя! — сказали офицеры дуэтом.

Солдаты браво промаршировали — благо вчера три часа потратили на тренировку — взяли текст, который почти все знали наизусть, начали читать: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды... беспрекословно выполнять... суровая кара...» Расписавшись, вернулись в строй. Следующими были Грибанин и Кириллюк. Оба неплохо вышли: сказала почти ежедневная четырёхчасовая строевая в учебке. Миху начал быстро и выразительно читать; слова «строго хранить военную и государственную тайну» его просто умилили: за всю жизнь он не знал ещё ни одной тайны или какого-нибудь секрета. Однако в конце первого абзаца текста присяги ротный оборвал его, сунул ручку и вызвал следующего. Грибанин читал, с трудом ворочая замерзающую челюсть: «... на вациту ваэй Водины — Ауза Авеских Алиалистических Испублик...» «Что — чурка, да?» — спросил из строя Рашидов. Когда Грибанин начал расписываться, рота взвыла: ручка сначала два раза выпала из его деревянных рук, затем оказалась застывшей паста. Замполит подлю-ласково улыбался и отогревал её дыханием.

— Чо, таарщ литинан, — загудел Размадзе, — у вас хороший сапоги, я замерзал уже...

— Закаляться надо, Котэ.

К замполиту вышел Мирзоев. Рота захохотала, когда Душман прошагал, делая отмашку рук наоборот. Вчера старшина Вынокуров тренировал его дольше других, в течение получаса вызывая из строя и отправляя обратно, но так ничего и не добился: при шаге правой у него вперёд шла правая же рука и наоборот.

Мирзоев подошёл к лейтенанту и молча откозырял. «Ты что, в польской армии? Рука держится всё время, пока докладываешь. Подыми». Мирзоев нерешительно поднял левую, опустил, оглянулся назад. Рашидов сказал что-то по-узбекски, и Душман, поднеся правую руку с загнутым ковшом запястьем к уху, произнёс:

— Таарщ литинан!

— Что?

Из строя начали подсказывать. Не выдержал и замполит:

— Товарищ лейтенант...

— Таарщ литинан...
— Рядовой Мирзоев...
— Рядавуй Мирзоёв...

...

...Наконец, Душману была вручена папка с текстом присяги. «Ну, слава Богу!» — облегчённо сказал Оскомбаев, но поторопился. Герой праздника, не читая, выпалил: «Я — гражданин Союза Советских!!» и умолк.

— Социалистических Республик, — продолжил Филиппченко, и Душман повторил.
— Вступая в ряды Вооружённых Сил СССР...

...Когда Мирзоев вернулся в строй, у ротного уже был Шутов. Он бодро крикнул «я», а дальше начал пороть какую-то тарабарщину: «... вадавин ваува вавесы писиа сисисих иувлик...» Но никто не смеялся. Одни стучали нога об ногу, другие прыгали на месте; героически отбивались от холода и соседние роты. Кто похитрее, те уже уходили с плаца. Расписаться Шутов не сумел: замёрзли обе ручки. Швердякин махнул рукой: «Ладно, в казарме распишешься», поставил молодых в общий строй и повёл роту в тепло.

В тот день в столовой к киселю дали печенье. Размадзе съел целую кучу — за половину роты, — запил тремя кружками, после чего объявил, что прощает молодых.

После ужина в праздничный день присяги молодёжь первой роты расселась на проходах между рядами кроватей с иголками в руках. Широкий коридор делил казарму пополам, и спальное расположение роты находилось по обе стороны коридора: справа, если стоять спиной к входу, — первый взвод и зенитное и связистское отделения, слева — второй и третий взводы. Вся обстановка ограничивалась койками, тумбочками и табуретками; лишь в расположении третьего взвода на крючках висели шинели. Шинели эти, с красными пехотными погонами, обладали довольно странным свойством аномального характера: лишь гас свет после отбоя, как они испарялись и потом появлялись вновь только после команды «батальон, подъём». Для понимания явления не нужно было приглашать специалистов по полтергейсту: плюс десять в казарме считалось жарой. Вечерами старослужащие ходили в бушлатах или сидели по каптёркам и бытовкам, где было немного теплее. Молодых грела работа.

На первом этаже дислоцировались две роты, имевшие свои спальные расположения, ленкомнаты, оружейки, бытовки и каптёрки; отдельные взводы, ничего этого не имевшие; располагались кабинеты командиров и штаб, на котором без всякой секретности прямо так и было написано: «Штаб». Ещё несколько рот жило на втором этаже казармы.

Миха и Митяй сели рядом с Колькой Шашковым. Вместо истрепавшихся подворотничков все молодые получили по куску белой материи, которую нужно было по-особому свернуть и пришить на воротник изнутри. Колька показывал и, заботливо расправляя «подшиву», рассуждал. «Всех духов припахивают подшивать или стирать, а меня никто не трогает. Старшине подошью и свободен, своей формой занимаюсь». Только сейчас друзья обратили внимание, что у Кольки на коленях лежало два пэша: своё и чистое, выглаженное, с красивыми погонами и комсомольским значком. «Чеченов никто не заставляет, все боятся их земляков. А узбеки своим подшивают. Вон у Пахратова пэша Рашидова...

— Пахратдинова, — поправил Миха, — он каракалпак.
— Один фиг.

— Я видел, как Рашид на него наезжал: земляк, земляк... — сказал Митяй. — Миха, ты будешь эмблемы менять на пехотную «капусту»?

— Буду.
— Ну, прощай, сапёрная рота...
— Прощай. Эй, Грибанин, хочешь в сапёрную учебку вернуться?
Грибанин встрепенулся и осторожно показал сладкую улыбку:

— Да... там в столовой посуды на всех хватало, и сержанты сидели за отдельным столом, не съедали всё, как здесь...

Миха присмотрелся:

— А у тебя чьё пэша?

— Младшего сержанта Мамедова, моего командира отделения.

— Мамед ведь череп? — спросил Миха у Кольки. — Что, черепам тоже подшивают?

— Нет, просто вас много приехало. Вон и ара Аракелян припахал Шутова... Обычно дед или фазан даёт подшивать черепу, а череп передаёт работу духу.

По коридору прошёл Флюзин. Трудно было поверить, что это существо прослужило полтора года. Вечно грязный, со смуглым от презрения к мылу лицом, в пожёванной не менее как четырьмя коровами шапке, Флюзин и физически походил на молодого: на невысокой, худощавой и сутулой фигурке выделялся разве что уродливый животик, предмет насмешек в умывальнике и бане. Сейчас чёрные бегающие глазки Флюзина что-то выискивали.

— Головка? Чьё подшиваешь?

— Котэ пэша, не видишь?

— Григорию потом подошьёшь.

— Ну, конечно. А другие — ничего?

Флюзин похлопал глазами. Арасов и Чабаев о чём-то болтали, не обращая ни на кого внимания. Все остальные — склонились над вышиванием. Шашков поднялся и торжественно понёс старшинскую робу в каптёрку.

— Кириллюк, подошьёшь Остапу...

— Сам подошьёшь, — Миха сказал и внутренне сжался от свое дерзости: Остапенко — тот самый рыжий и злой дед, который в первый день забрал у Романа фотку подруги. Все духи роты боялись остапенского тяжёлого, мутного взгляда и ненавидели этого водилу второго взвода.

— Ты что, дух, опухаешь?... Хочешь ночь не спать?

Миха сидел молча. Неизвестно, чем бы всё закончилось, но в расположение зашёл Стёпа Петров, и Флюзин перекинулся на него. Напрасно Петров доказывал, что он целый день работал в автопарке, «подшаманивая» свой ЗИЛ-131, что ему полчаса нужно только на то, чтобы отмыть руки — Флюзин увёл его в бытовку. Вскоре Степан вернулся с чужим пэша и молча сел в уголок. Пришёл Шашков и виновато сказал, что Митяева зовут в каптёрку.

— Зачем, знаешь? — спросил Миха.

— Не-эт...

— Что ты гонишь! Говори!

— Да, короче, там старшина и Саня Памфилов что-то хотят поручить... Может, куда сбегать...

— Ты постарался?

— Ты что? Они сами его выбрали...

Митяй ушёл, но быстро вернулся и, надевая шинель, объяснил:

— В кочегарку — за жареной картошкой и в столовую за хлебом. Может, нам принесу.

Выходя из расположения, Митяй столкнулся с Душманом, который шёл из умывальника по пояс голый, гордо выпячивая волосатую грудь.

— Митя-а? Куда?

— Ходи, ходи мимо...

— Чо?! Я твой убивай быстро!

— Старшина посылает. Доволен?

— Ну, иды, иды. Я разрешаешь...

Митяй быстро ушёл, а Кириллюк и Шашков переглянулись.

— Без его разрешения не пошёл бы, — усмехнулся Миха.

— Ну. Деловой, как электровеник... Ему чётко: русского языка не знает, косит. Даже офицеры ничего не могут заставить...

— Как в анекдоте: восемнадцать лет джигит, два года чурка, потом опять джигит...

Тем временем Душман начал обходить сидящих и задирается: подразнил по-своему Курбанова, и тот, судя по всему, обматерил его на языке предков; сорвал шапку с Петрянина и закинул на верхнюю койку; потом начал щипать Грибанина за одутловатые щёки: «У-у, рожа...» Грибанин отворачивался. Вдруг что-то вспомнив, Душман покрутил головой: «Пети-а? Пети-а?» и, увидев Петрова, подошёл к нему.

— Пети-а, подшива пришивай...

— Я подшиваю уже Григорию, а ещё сам не умывался...

— Не плачь, су-ука, — утешил Душман. — Остап пришивай — мой пришивай, — и, увидев в конце коридора земляка, который держал окурки и что-то кричал, Мирзоев побежал, попутно толкнув Миху и Кольку, которые поднялись умываться.

— Маймун! — сказал Миха.

— Ого, ты уже материшься по-ихнему!

— С волками жить — волком быть.

...До построения на вечернюю поверку оставалось около двадцати минут, когда Миха сделал все дела и даже немного покурил: Душман, пристыженный словом «жмот», отдал ему остаток сигареты. Миха зашёл в ленкомнату, благо все старослужащие сидели на втором этаже у телевизора, и решил написать письмо. Ни бумаги, ни конверта у него не было, только взятая у Кольки шариковая ручка. Миха пошарился за стендами и за спиной у одного из членов политбюро нашёл два конверта; потом открыл ящик с тетрадями для политзанятий, выбрал одну с подписью «Мирзоев», вырвал из середины двойной лист и сел к самой тёплой батарее.

«Здравствуй, мамочка! — написал он вверху. — Служба идёт нормально. Сегодня ровно полтора месяца, как я уехал из дома...» Миха остановился. Что дальше? Новое место он уже обрисовал в предыдущем письме, о присяге и говорить не хочется... Написать, что едва не заставили работать на другого солдата, который всего на год старше? Или как вчера ночью молодых поднял пьяный старшина и в течение часа читал мораль о том, что они обязаны беспрекословно подчиняться сержантам? Миха вспомнил, что времени у него совсем мало, сейчас будет построение, и застрочил: «А значит, осталась ерунда — двадцать два с половиной месяца. Наша часть, как я тебе писал, хорошая, большая. С молодыми обращаются бережно. Старшина Винокуров нянчится с нами, как с малыми детьми. Я как-то не мог подшить подшиву, так старшина показал мне и сам пришил. Старослужащие у нас молодцы. В столовой нас подкармливают, заставляют есть побольше, даже отдают всё сливочное масло. Им уже жрать неохота, потому что думают о доме. На улице холодно, но ты, мамуль, не переживай: ротный нас всё время держит в тёплой казарме. Слоняемся, мучаемся от безделья, ждём тепла. Вот и все мои коротенькие новости. А ремонт в квартире не затевай. Я скоро вернусь и сам всё сделаю. Пожалуйста, не мучайся с этими обоями одна. И навес на даче, уверен, потерпит год с небольшим. Я уже решил, как его перестроить. До свидания, мамочка. Миша. Передавай привет бабушке».

После отбоев — их сегодня устроили всего лишь два — появился Митяй. Он подошёл ко второму ярусу в первом взводе и положил на Михину койку булку хлеба.

— Жрите, — прошептал он. — Колька, поворачивайся сюда.

Кровати Шашкова и Кириллюка стояли вплотную — не хватало места, — и Колька тут же придвинулся. Снизу заворчал водитель первого взвода Годжаев:

— Что шарахаешься, дух? Спать не хочешь?

— Иду, иду, — ответил Митяй и быстро зашептал:

— Пока хлеб привезли, опоздал на поверку. Сидел в столовой. Каждый день в это время привозят, и можно после отбоя бегать в хлебозерку... Жуйте, я уже напоролся...

Съели быстро: очень хотелось спать. Миха ещё глотал последний кусок, а в мозгу уже понеслись картинки сна. Он видел себя в какой-то казарме, странной, необычной. Те же армейские железные кровати с синими одеялами с тремя чёрными полосами в ногах, но на окнах — шикарные шторы и всюду — горшки с цветами... Он едва осмотрелся на новом месте, как всё начало затягиваться туманом и исчезать. Вдруг со стороны ленкомнаты кто-то позвал его по фамилии, и вокруг снова прояснилось. Миха проснулся. В полумраке дежурного освещения маячило скорбное лицо Петрянина.

— Кириллюк, Рашид идёт в увольнение в воскресенье. Нужно приготовить ему парадку. Я — подшиваю всё, а ты — гладишь.

— Что?.. Да.. Пошёл ты на хер, задрот!

— Мне всё равно. Тебе завтра отвечать.

— Стой! — Миха напряжённо искал выход, минуты сна для него сейчас были дороже золота. — Рашидов мне перед отбоем сказал, что всё делать будешь ты один, потому что ты ему с ужина не принёс пайку...

— Так ведь... я Годжаеву ношу... А! Ему ведь Пахратдинов должен был...

Но Миха уже спал. Ни по каким казармам он больше не ходил и никаких снов до самого подъёма больше не видел.

Утро семнадцатого декабря началось с неприятности: дневальные на двадцать минут запоздали с подъёмом, и сержанты загоняли молодых, чтобы до завтрака успеть убраться в расположениях. Натирая паркет, Митяев выглянул в окно: земля покрылась новым снегом, а небо, едва пропуская солнечные лучи, выглядело мрачно и зловеще. Свинцовый отблеск портил белизну свежего покрова и превращал деревья в каких-то унылых призраков. «Фигнёво... — подумал он. — Опять снег убирать». И, приглядевшись, расстроился ещё больше: за окнами метался сильный вражеский ветер.

В расположение зашёл Размадзе. Вытираясь полотенцем, он радостно сказал:

— Во-о... Белый снег, как для заказа! Митяев, сколько до приказа?

— Сотня.

— Сто днэй до приказа... Скоро домой! Праздник, дух! Ти понял?!

Вечером того же дня дежурным по батальону заступил парторг части старший лейтенант Морозов. Почувствовалось это быстро, точнее, услышалось. До самой половины одиннадцатого Морозов только и делал, что орал: если кто-то громко разговаривал, если кто-то шёл в умывальник раздетый или в форме, но с расстегнутой верхней пуговицей, если кто-то ходил по казарме в верхней одежде, если старшины закрылись в каптёрках и нужно было долго стучать, чтоб открыли... Досталось и дедам первого этажа, уединившимся в бытовой комнате.

Довольный Головка шепнул Михе после ужина, что Размадзе сегодня подшивается сам, но это не радовало: раз стодневка, значит, деды будут пьяные, а пьяный или полезет в море, которое ему по колено, точнее, по край голенища сапога, или возомнит себя генералом. В батальоне повисло напряжение.

Петров как обычно принёс с ужина пайку Остапенко, но тот отдал её своему духу. Это тоже не предвещало ничего хорошего. Стёпка сидел на корточках у прикроватной тумбочки и, растерянно озираясь, жевал. Когда Арасов сказал ему «чмо», тот быстро пробормотал: «Тебе хорошо, ты не работаешь, и тебе оставляют» и зажевал торопливее. Арасов рубил колоду покрупному. Под предлогом болячек на ногах он снял сапоги и ходил в армейских кожаных тапочках. Функцией больного была охрана расположения от воровства полотенец, подушек и прочего: в каждой роте чего-нибудь не хватало, и по приказу старшины Арасову оставляли в столовой хорошую пайку, а кто-нибудь из молодых, едва успев поесть, должен был бежать, чтобы сменить охранника. Впрочем, такие «колоды» завелись в каждой роте, хотя болячки на ногах, ласково называемые «розочками», имел почти каждый.

После вечерней поверки Морозов покричал ещё минут десять и, решив, что нагнал страху на всю ночь, ушёл домой. Швердякинская рота легла спать с первого отбоя, молодые замерли, прошла минута, пять минут, десять... Ничего не происходило, и постепенно все уснули. Только Грибанин некоторое время уговаривал Шутова вернуть шинель, но после окрика Мамедова замолчал.

Митяй спал плохо. Настывшие за день ноги никак не хотели согреваться под тонким одеялом, и он, проклиная ротного, не выдавшего днём валенки, ворочался с бока на бок, выискивая для пяток место теплее. В голову лезла всякая чушь. Почему-то вспомнились похороны дедушки, ясно представилось кладбище, люди вокруг могилы. Воспоминания незаметно перешли в сон. На кладбище опустилась ночь, всё расплылось, затуманилось, мраморные надгробья превратились в старые, покосившиеся деревянные кресты, и Митяй стал проваливаться куда-то под землю. Судорожные попытки выбраться ни к чему не приводили, и вот уже глубоко внизу замерцал бледно-красный фонарик. Ближе, ближе... Митяя затрясло от страха, он начал отчаянно сопротивляться и увидел, что фонарик приблизился вплотную.

— Ну, проснулся наконец? — сказал Сичка, череп из их взвода, невесело ухмыльнувшись. — Иди сходи в ленкомнату... Старшина зовёт.

— Ну как, Василь? — спросил со стороны третьего взвода тоже полугодовичник Лаанеоте.

— Да, с прошлой получки ничего не дал Остапу, так сейчас придрался...

Теперь Митяй разглядел свой красный фонарик: под левым глазом у Сички светился огромный синяк.

Ещё натягивая сапоги, Митяй услышал, что ленкомната, судя по гомону, полна народа. Он приоткрыл двери, вошёл. Почти вся рота сидела, стояла, ходила. В углу на двух столах были наставлены водочные бутылки, бачки, чайник, кружки, консервные банки... Рашидов, Размадзе, Остапенко, Тюлебеков, на третьем ряду, у стены, подвыпивший Флюзин, голова которого качалась и падала — все деды были в сборе. За передними столами сидели Винокуров и Памфилов; под стендом «Политбюро ЦК КПСС», как на расстреле, построились почти все молодые сержанты, Годжаев и Аракелян. Вслед за Митяем начали входить и остальные духи. В тот момент, когда глаза Митяя привыкли к свету и он начал наблюдать за происходящим, Размадзе спорил с Памфиловым.

— Котэ, пусть идёт.

— Пошёл ты вообще... — икота помешала договорить.

Грузин крепко держал Соколова за пэша:

— Большой сижант, да?.. Каманди-ир?

— Отпусти его. Олег, иди...

— Ти, Памфил, дед что ли?.. Я дед, ти фазан и молчи вообще... Тебя не трогали молодой, и опухай быстро...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.